

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 18

2020

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
<i>Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В.</i>	5
О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ФИТНЕС» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Юридическая техника	
<i>Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В., Шавандина О.А.</i>	8
О СОБЛЮДЕНИИ ПРАВИЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ ПРИ СОЗДАНИИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА	
Лингвоэкспертология	
<i>Абрамкина Е.Е.</i>	12
ИГРА ПО ЧУЖИМ ПРАВИЛАМ: СЦЕНАРИЙ РЕАЛИТИ-КВЕСТА КАК ОБЪЕКТ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	
<i>Мурса И.Н.</i>	16
РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СУДЕБНОГО АВТОРОВЕДЕНИЯ	
Лингвоконфликтология	
<i>Иваненко Г.С.</i>	21
КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: ФАКТОРЫ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ	

CONTENTS

Language of Law	
<i>Kovalenko E.Y., Tydykova N.V.</i> ON THE PROBLEMS OF USING TERM «FITNESS» IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION	5
Legal Technique	
<i>Kovalenko E.Y., Tydykova N.V., Shavandina O.A.</i> ON OBSERVANCE OF THE RULES OF LEGISLATIVE TECHNIQUE WHEN DEVELOPING STATUTORY ACTS OF ALTAI KRAI FOR PHYSICAL TRAINING AND SPORTS	8
Linguoexpertology	
<i>Abramkina E.E.</i> GAME BY SOMEONE ELSE'S RULES: A QUEST SCENARIO AS AN OBJECT OF THE AUTHORSHIP ATTRIBUTION	12
<i>Mursa I.N.</i> SPEECH PORTRAIT OF PERSONALITY AS A TOOL OF FORENSIC AUTHORSHIP ATTRIBUTION	16
Linguoconflictology	
<i>Ivanenko G.S.</i> COMMUNICATION IN SOCIAL NETWORKS: FACTORS OF POTENTIAL CONFLICTS	21

О проблемах использования термина «фитнес» в законодательстве Российской Федерации¹

Е.Ю. Коваленко, Н.В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ekov_@mail.ru; academnauka@rambler.ru

Статья посвящена исследованию новых понятий в законодательстве Российской Федерации о физической культуре и спорте. Авторы анализируют понятие «фитнес-центр», которое в законодательстве появилось относительно недавно. Выражены сомнения в целесообразности его использования ввиду множества используемых аналогичных терминов. Отмечено, что термин «фитнес» не имеет сложившегося содержания и не является традиционным для российской действительности. Предложен другой вариант регулирования деятельности физкультурно-спортивных организаций, целью которых является оказание гражданам услуг по физической подготовке и физическому развитию. В предлагаемом авторами подходе текст закона должен содержать общий термин, обобщающий существующие варианты наименований таких организаций. При этом подходе термин «фитнес-центр» не является необходимым. Авторы не нашли причин и для введения в текст российского закона термина «фитнес», хотя и не исключают их появления в будущем. Отмечаются множественные практические проблемы, которые возникают из-за отсутствия качественного правового регулирования деятельности организаций, которые оказывают гражданам услуги по физической подготовке и физическому развитию. Авторы приходят к выводу о том, что основной проблемой является не наименование таких организаций, а содержательная сторона регулирования их деятельности. Проанализирована необходимость законодательного уточнения таких терминов, как «кроссфит», «аква-фитнес», «фитнес-аэробика», «боди-фитнес», «фитбокс», «культуризм» и некоторых других. Авторы отмечают, что необходимость их появления в тексте нормативного правового акта возможна в целях закрепления правил соответствующего вида спорта или инструкций для тренеров, либо иных подобных документов. Простая же фиксация терминов и их определений в тексте закона представляется нецелесообразной.

Ключевые слова: фитнес, фитнес-центр, физкультурно-спортивная организация, законодательство о физической культуре и спорте.

On the Problems of Using Term «Fitness» in the Legislation of the Russian Federation

E.Y. Kovalenko, N.V. Tydykova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ekov_@mail.ru; academnauka@rambler.ru

The article centers on the study of new concepts in the legislation of the Russian Federation on physical training and sports. The authors analyze the concept of «fitness center», which has appeared in the legislation quite recently. There have arisen doubts about the rationale for its use among the variety of many similar terms that are actually employed, which creates difficulties in determining their correlation. It has been noted that the term «fitness» has no conventional meaning and is not traditional for Russian reality. Another option is proposed to regulate the operation of physical training and sports organizations, the purpose of which is to provide citizens with services of physical training and physical development. In the approach proposed by the authors, the text of the law should contain a general term to unify names of such organizations. Under this approach, the term «fitness center» is unnecessary. The authors have not found any reasons for introducing the term «fitness» into the text of the Russian law, although they do not exclude their appearance in the future. Many practical problems have been noted that arise due to the lack of high-quality legal regulation of the activities of organizations that provide citizens with physical training and physical development services. The authors come to the conclusion that the main problem is not the name of such organizations, but the contents of the regulation of their activities. The necessity of legislative clarification of such terms as «crossfit», «aqua fitness», «fitness aerobics», «body fitness», «fitbox» and some others is analyzed. The authors note that their introduction into the text of a normative legal act is possible in order to set the rules for a particular sport or instructions for coaches, or in other similar documents. Simple placing of terms and their definitions in the text of the law is perceived as inappropriate.

Key words: fitness, fitness center, physical training and sports organization, physical training and sports legislation.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (научный проект № 20-011-00053 А «Правовое регулирование спортивных отношений в Российской Федерации»).

Развитие и изменение общественной жизни всегда диктуют изменения в законодательстве. В последние годы широкое распространение в Российской Федерации получили так называемые фитнес-клубы и фитнес-центры. Также появляются новые спортивные направления и виды спорта с ранее неизвестными наименованиями. Это обстоятельство ставит вопрос их правового статуса и легального определения.

Статья 5 Федерального закона от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» к субъектам физической культуры и спорта в Российской Федерации относит физкультурно-спортивные организации, к которым, в частности, относит и фитнес-центры. Из этого следует, что фитнес-центр, наряду со спортивными клубами, объединениями физкультурно-спортивных клубов, центрами спортивной подготовки, профессиональными спортивными лигами и другими организациями, указанными в законе, является разновидностью физкультурно-спортивной организации.

В соответствии с п. 30 ст. 2 вышеназванного закона, физкультурно-спортивная организация – юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, осуществляющее деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности. В соответствии со ст. 10 этого закона, физкультурно-спортивные организации могут быть коммерческими организациями, некоммерческими организациями и создаваться в различных организационно-правовых формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации для коммерческих и некоммерческих организаций. Физкультурно-спортивные организации участвуют в организации работы по развитию физической культуры и спорта среди различных групп населения, создают условия для охраны и укрепления здоровья спортсменов и других участвующих в спортивных соревнованиях и тренировочных мероприятиях лиц, обеспечивают спортсменам и тренерам необходимые условия для тренировок, а также иным образом содействуют этим лицам в достижении высоких спортивных результатов.

Понятие фитнес-центра, перечень его прав и обязанностей закреплены в статье 30.1, которая введена Федеральным законом от 02.08.2019 N 303-ФЗ. В ней сказано, что фитнес-центры являются физкультурно-спортивными организациями, целью деятельности которых является оказание гражданам услуг по физической подготовке и физическому развитию. Они организуют работу по формированию здорового образа жизни граждан, создают условия для сохранения и укрепления физического здоровья граждан, а также для их физического воспитания. Фитнес-центры могут быть членами общероссийских и международных спортивных объединений и могут устанавливать стандарты качества оказываемых ими услуг. В случаях, предусмотренных федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, фитнес-центры обязаны применять профессиональные стандарты в части требований к квалификации работников с учетом особенностей выполняемых работниками трудовых функций.

Очевидно, что смысловую нагрузку в этом термине несет только цель их деятельности – оказание гражданам услуг по физической подготовке и физическому развитию. Действительно, такие организации существенно отличаются по своей организационной сути от, например, спортивных клубов, которые в соответствии с ч.1 ст. 189 названного закона являются юридическими лицами, осуществляющими тренировочную, соревновательную, физкультурную и воспитательную деятельность. Однако возникает терминологический вопрос – является ли необходимостью введение в текст закона термина «фитнес»? Он не является устоявшимся правовым термином, в спорте также не имеет единообразного применения.

Само слово «фитнес» в переводе с английского означает «годность, пригодность» (от «to be fit for» быть пригодным к чему-либо, бодрый, здоровый) [Сайкина, Пономарев 2011: 6-7]. По мнению некоторых исследователей, явления, обозначаемые одним и тем же термином «фитнес», в зарубежных странах и России не идентичны. В американском обществе «фитнес» рассматривается гораздо шире и может в разных контекстах заменять понятия «физическая культура», «физическая подготовка», «здоровье» и т.п. [Сайкина 2008: 184].

Поэтому думается, что введению этого термина в текст закона должно предшествовать его исследование и наделение конкретным содержанием. Также для его законодательного применения необходимо обоснование отсутствия возможности использовать традиционные, сложившиеся в русском языке и российском праве термины. Например, таким термином мог быть «спортивный центр». Вероятным аргументом сторонников нового термина «фитнес-центр» может быть необходимость учета многопрофильности таких центров, которые помимо деятельности в рамках формата спортивного зала и бассейна предлагают косметические и даже медицинские услуги. Однако следует помнить, что медицинская деятельность и деятельность косметических салонов имеет свои особенности правового регулирования, поэтому вряд ли правильной и успешной будет попытка их искусственного объединения и организация их деятельности по единым правилам.

Использование термина «фитнес-центр» вызывает и другие вопросы. Не совсем понятно, как соотносить фитнес-центры с аналогичными организациями, которые именуют себя спортклубами, спортзалами, спортивными студиями и подобное. Являются ли понятия «фитнес» и «спорт» идентичными или же их содержание различно? Обладают ли организации с различными наименованиями разным правовым статусом? И конечно же возникает вопрос, а нужно ли вообще в законе закреплять понятие «фитнес-центр»? Ведь законодатель мог пойти другим путем – закрепить понятие физкультурно-спортивных организаций и указать, что они могут иметь различные наименования: фитнес-центры, фитнес-залы, спортивные студии, йога-студии, пилатес-центры и так далее. Вполне ожидаемо, что постоянно будут появляться новые направления, а соответственно, и термины. Если деятельность всех таких организаций может быть урегулирована в рамках одной статьи закона, а сами они названы общим термином, то требование правовой экономии и лаконичности закона, не предполагающее введение в закон огромного количества терминов, было бы удовлетворено.

Конечно, деятельность спортивных организаций, которые оказывают услуги широкому кругу лиц разного возраста в рамках огромного количества видов занятий, требует обеспечения должного уровня охраны здоровья посетителей, а также наличия у специалистов необходимого уровня квалификации. На практике некоторые фитнес-клубы пренебрегают данными обязательствами, что приводит к соответствующим негативным последствиям. Отсутствие должного контроля уровня квалификации занятых в фитнесе специалистов, равно как и отсутствие контроля за наличием медицинских работников [Пирог 2018: 95] либо качеством выполнения ими своих функций – тоже негативные явления. Имеется и тенденция к оформлению фитнес-тренеров индивидуальными предпринимателями, нарушающая трудовые права работников [Шевченко 2014: 13-14]. Нигде четко не определено, каким должен быть договор между фитнес-центром и клиентом. На практике зачастую оформляется договор проката оборудования. Вряд ли такой подход можно признать правильным, поскольку по своей правовой природе он относится к договору возмездного оказания услуг, регулируемому главой 39 ГК РФ [Бычков 2017: 130]. Эти обстоятельства позволяют заключить, что основной проблемой является не наименование таких организаций, а содержательная сторона регулирования их деятельности.

В литературе отмечается, что помимо установления понятия «фитнес» нуждаются в дополнительном уточнении такие термины, как «кроссфит», «аква-фитнес», «фитнес-аэробика», «боди-фитнес», «фитбокс», «бодибилдинг», «культуризм» и некоторые другие [Лагвилава 2019: 13]. Однако убедительных доказательств такой необходимости не приводится.

Помимо названного Федерального закона от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»

существует еще большое количество правовых актов в области физической культуры и спорта. Например, Федеральные стандарты спортивной подготовки и правила видов спорта, которые представляют собой совокупность минимальных требований к спортивной подготовке по видам спорта, закрепленных в различных приказах Минспорта РФ. Среди них есть Приказ Минспорта России от 19.03.2019 N 242 «Об утверждении правил вида спорта «фитнес-аэробика». Кстати, этот документ разграничивает понятия «фитнес-аэробика» и «спортивная аэробика», однако определений не дает, но их различия просматриваются через другие элементы, например, перечень основных движений, приведенный в таблице 9 названного документа. Существуют также «Правила вида спорта «бодибилдинг», они утверждены приказом Минспорта России от 07.03.2019 N 190.

Вероятно, вышеназванные термины могут появиться в тексте нормативного правового акта при необходимости утверждения их правил, инструкций тренеров, либо иных подобных документов. Других причин, по которым эти термины нашли бы отражение в законе, пока не усматривается. Кроме того, предложенный перечень можно бесконечно продолжать подобными терминами: «бодибалет», «стрейчинг», «йога-нидра» и т.д.

Таким образом, сегодня сделаны лишь первые шаги по закреплению правового статуса организаций, которые оказывают услуги по физической подготовке и физическому развитию граждан. Однако остается терминологический вопрос о том, должны ли такие организации именоваться именно «фитнес-центрами», или возможны другие варианты решения вопроса.

Литература

- Сайкина Е.Г., Пономарев Г.Н. Семантические аспекты отдельных понятий в области фитнеса / Теория и практика физической культуры. – 2011. – № 8. – С. 6-10.
- Сайкина Е.Г. Фитнес в системе физической культуры / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 68. – С.182-189.
- Пирог Д.Ю. Перспективы правового регулирования фитнеса в Российской Федерации / Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 9. – С. 92-96.
- Шевченко О.А. О взаимодействии трудового законодательства и норм саморегулирования спортивных организаций / Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 9. – С. 9-15.
- Бычков А. Фитнес-клуб: анализируем правовые аспекты деятельности / Новая бухгалтерия. – 2017. – № 2. – С. 128-144.
- Лавгилава Т.И. Проблематика введения в законодательство Российской Федерации в области физической культуры и спорта понятия "фитнес" / Юстиция. – 2019. – № 1. С. 7-11.

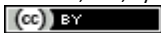
References

- Saykina, E.G., Ponomarev G.N. (2011). Semantic aspects of certain concepts in the field of fitness. Theory and practice of physical culture, 8, 6-10 (in Russian).
- Saykina, E.G. (2008). Fitness in the system of physical culture. Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 68, 182-189 (in Russian).
- Pirog, D.Yu. (2018). Prospects for the legal regulation of fitness in the Russian Federation. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 9, 92-96 (in Russian).
- Shevchenko, O.A. (2014). On the interaction of labor legislation and self-regulation norms of sports organizations. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 9, 9-15 (in Russian).
- Bychkov, A. (2017). Fitness club: we analyze the legal aspects of the activity. New accounting, 2, 128-144 (in Russian).
- Lagvilava, T.I. (2019). Problems of introducing the concept of "fitness" into the legislation of the Russian Federation in the field of physical culture and sports. Justice, 1, 7-11 (in Russian).

Citation:

Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В. О проблемах использования термина «фитнес» в законодательстве Российской Федерации. // Юрислингвистика. – 2020. – 18. – С. 5-7.

Kovalenko, E.Y., Tydykova, N.V. (2020). On the Problems of Using the Term «Fitness» in the Legislation of the Russian Federation. Legal Linguistics, 18, 5–7.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О соблюдении правил законодательной техники при создании нормативных актов Алтайского края в области физической культуры и спорта¹

Е.Ю. Коваленко, Н.В. Тыдыкова, О.А. Шавандина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ekov@mail.ru; academnauka@rambler.ru; shao07@rambler.ru

Статья посвящена анализу нормативных правовых актов Алтайского края в области физической культуры и спорта с позиции соблюдения правил законодательной техники. Авторы отмечают, что единого свода таких правил нет, и это, в частности, является причиной наличия множества технических дефектов в законодательстве. Поэтому поддерживается позиция тех исследователей, которые предлагают принять специализированный акт, в котором были бы закреплены надлежащие требования и правила законодательной техники. В данной работе во внимание принимались те критерии, которые чаще всего называются исследователями в литературе соответствующей тематики. Среди таких критериев: соответствие разграничению предметов ведения РФ и субъектов РФ, установленному Конституцией РФ, отсутствие излишних дублирований федерального законодательства, обеспечение системности, полноты и детальности правового регулирования, наличие норм, позволяющих регулировать отношения в ключе региональной специфики. Анализу были подвергнуты: Закон Алтайского края от 11.09.2008 N 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае» и Постановление Администрации Алтайского края от 04.03.2011 N 100 «О Стратегии развития физической культуры и спорта в Алтайском крае на период до 2020 года». В целом им была дана положительная оценка, как с позиции содержания, так и с позиции техники написания. Но вместе с тем были выявлены и некоторые проблемы. Отмечено одно несоответствие разграничению предметов ведения РФ и субъектов РФ, установленному Конституцией РФ, и сформулировано предложение об исключении соответствующего положения из регионального акта. Выявлено наличие дублирований федерального законодательства, не несущих смысловой нагрузки. Приведены примеры норм с их подробным анализом, в которых не обеспечена системность, полнота и детальность правового регулирования. Сформулированы предложения по расширению положений, направленных на решение вопросов в ключе региональной специфики.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, региональное законодательство, законодательная техника.

On Observance of the Rules of Legislative Technique when Developing Statutory Acts of Altai Krai for Physical Training and Sports

E.Y. Kovalenko, N.V. Tydykova, O.A. Shavandina

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ekov@mail.ru; academnauka@rambler.ru; shao07@rambler.ru

The article is focused on the analysis of the statutory legal acts of Altai Krai for physical training and sports from the standpoint of compliance with the rules of legislative technology. The authors note that there is no single abridgement of such rules, and this, in particular, is the cause of many technical defects in the legislation. Therefore, the position of those researchers who propose to pass a special act is supported, which would enshrine in law the proper requirements and rules of legislative technology. The study has considered the criteria often mentioned by researchers in the relevant literature. Some of them are: compliance with the distribution of the jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation established by the Constitution of the Russian Federation, lack of excessive duplication of federal legislation, provision of consistency, completeness and detail of legal regulation, present norms regulating relations with reference to regional specificity. The analysis has been applied to: Act of Altai Krai of 11.09.2008 N 68-ЗС «On Physical Training and Sports in Altai Krai» and Statutory Order of Altai Krai Administration dated 04.03.2011 N 100 «On the Strategy for the Development of Physical Training and Sports in Altai Krai for the Period up to 2020». Overall, they have received a positive assessment, both in terms of content and writing technique. Yet some problems have been identified. An inconsistency with the distribution of the jurisdiction of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation established by the Constitution of the Russian Federation has been noted, and a proposal has been formulated to exclude the corresponding provision from the regional act. There has been revealed the presence of duplications of federal legislation that do not carry a

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (научный проект № 20-011-00053 А «Правовое регулирование спортивных отношений в Российской Федерации»).

message. Examples of norms with their detailed analysis have been given, where the consistency, completeness and detail of legal regulation are not provided. Proposals have been formulated to expand the provisions aimed at addressing issues with reference to regional specificity.

Key words: physical training, sports, regional legislation, legislative technique.

Российское законодательство в области физической культуры и спорта представлено главным образом Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ. Кроме того, в субъектах Российской Федерации принимаются соответствующие региональные законы. Например, Закон Алтайского края от 11.09.2008 N 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае», Закон Республики Алтай от 25 сентября 2008 года N 81-РЗ «О физической культуре и спорте в Республике Алтай», Закон Новосибирской области от 04 декабря 2008 года N 285-ОЗ «О физической культуре и спорте в Новосибирской области» и другие». Помимо законов в регионах принимаются и подзаконные акты. Так, в Алтайском крае действует Постановление Администрации Алтайского края от 04.03.2011 N 100 «О Стратегии развития физической культуры и спорта в Алтайском крае на период до 2020 года».

Каждый нормативный акт любого уровня должен быть написан качественно с позиции законодательной техники. К сожалению, единый свод таких правил отсутствует и лишь в специальной литературе можно найти ряд позиций по этому вопросу [См., например, Мурсалимов 2013]. В литературе высказывается, на наш взгляд, верная идея о принятии специализированного правового акта, в котором были бы закреплены надлежащие требования и правила законодательной техники [Соловьев 2010, Худойкина 2015]. Отсутствие указанного федерального акта часто называется одной из причин несовершенства регионального законодательства [Никиташина 2019: 7]. А сложность построения нормативных актов в области физической культуры и спорта определяется еще и специфичностью сферы регулирования.

Нами был проведен анализ регионального законодательства Алтайского края в области физической культуры и спорта по ряду критериев, которые чаще всего называются исследователями в литературе соответствующей тематики. В целом тексты Закона Алтайского края от 11.09.2008 N 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае» и Постановления Администрации Алтайского края от 04.03.2011 N 100 «О Стратегии развития физической культуры и спорта в Алтайском крае на период до 2020 года» можно дать положительную оценку как с позиции содержания, так и с позиции техники написания. Но вместе с тем выявлены и некоторые проблемы.

Одним из обязательных критериев, которого должен придерживаться любой нормативный акт, является соответствие разграничению предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, установленному Конституцией РФ [Баженов 2008: 569].

Анализ Постановления Администрации Алтайского края от 04.03.2011 N 100 показал наличие одного противоречия с положением Конституции РФ. Дело в том, что Постановление Администрации Алтайского края от 04.03.2011 N 100 «О Стратегии развития физической культуры и спорта в Алтайском крае на период до 2020 года» содержит положение о необходимости усилить ответственность спортсменов, тренеров и медицинских работников за использование допинговых средств. Однако нормы об ответственности за нарушения такого рода установлены на федеральном уровне. Статья 6.18 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним. Статьи 230.1 и 230.2 УК РФ – уголовную ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте и использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. На региональном уровне возможно лишь усиление контроля за соблюдением законодательства или пропаганда недопустимости соответствующих нарушений. Думается, что правильным решением было бы исключить из названной Стратегии положение о необходимости усилить ответственность спортсменов, тренеров и медицинских работников за использование допинговых средств или переформулировать их в рамках региональной компетенции.

Одной из самых распространенных проблем регионального законодательства вообще является дублирование норм федерального уровня. В специальной литературе федеральный акт, нормы которого были скопированы в региональном акте, даже получил название «нормативный акт – донор» [Упоров 2020: 67].

Не лишены такой проблемы и вышеназванные акты Алтайского края. Ряд положений Закона Алтайского края от 11.09.2008 N 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае» дублирует соответствующие положения Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 N 329-ФЗ. Многие положения Постановления Администрации Алтайского края от 04.03.2011 N 100 «О Стратегии развития физической культуры и спорта в Алтайском крае на период до 2020 года» дублируют положения Распоряжения Правительства РФ от 07.08.2009 N 1101-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года», либо сформулированы как более узкие или менее конкретные, в то время как региональная Стратегия предполагает набор мер, направленных на решение наиболее актуальных для данного региона проблем и использование актуальных механизмов. Было бы эффективнее сформулировать положения в ключе региональной специфики. Для этого необходимо учесть: уровень доходов населения, климатические условия, национальные традиции, доли населения в возрасте до 14 лет и старше 60 лет, уровень потребления табачных изделий, алкогольных напитков и наркотических средств, численность лиц с избыточным весом и ожирением, состояние подростковой преступности, наличие и динамику развития на территории субъекта бизнеса в области спорта, спортивной индустрии, активность деятельности некоммерческих и коммерческих спортивных организаций, осуществляющих социально значимую работу среди населения, ситуацию в области профессионального спорта и тому подобные факторы.

Также не всегда обеспечена системность, полнота и детальность правового регулирования. В литературе такой критерий еще иногда называют критерием «необходимой достаточности» [Лозинский 2006: 79]. Так, пункт 1) ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ устанавливает, что к полномочиям субъектов Российской Федерации в области физической культуры и спорта относится определение основных задач и направлений развития физической культуры и спорта в субъектах Российской Федерации. Анализ текста Закона Алтайского края от 11.09.2008 N 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае» показывает, что основные задачи и направления развития физической культуры и спорта в Алтайском крае четко не названы. Они лишь вероятностно прослеживаются в содержании статьи 6 этого же закона, где сказано, что приоритетными направлениями государственной поддержки развития физической культуры и спорта в Алтайском крае являются физкультурно-оздоровительная работа с различными категориями населения Алтайского края, в том числе с детьми и подростками, обучающимися в образовательных организациях, гражданами пожилого возраста, инвалидами, развитие детско-юношеского спорта, осуществление подготовки спортивного резерва, спортивных команд и спортсменов высокого класса.

Статья 12 Закона Алтайского края от 11.09.2008 N 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае» закрепляет порядок развития физической культуры в организациях Алтайского края. Из текста статьи следует только то, что руководители организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности могут самостоятельно и за свой счет создавать работникам условия для реализации их права на занятия физической культурой и спортом. Такая норма содержит почти не имеет смысла, так как организации могут это делать и без указания этого в региональном законе. При этом закон не содержит никаких стимулирующих механизмов: субсидий на инвентарь, льготных кредитов, налоговых льгот и т.п. Не называются и возможные формы, в которых возможно такое создание условий. Аналогичный недостаток присущ и ч.2 ст. 13 указанного Закона, где сказано, что руководители санаторно-курортных организаций, домов отдыха и туристских баз создают условия для использования физической культуры в процессе лечения и отдыха граждан в целях укрепления их здоровья, профилактики и лечения заболеваний.

Статья 20 Закона Алтайского края от 11.09.2008 N 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае» определяет порядок финансирования физической культуры и спорта в Алтайском крае и уточняет, что финансирование физической культуры и спорта в Алтайском крае осуществляется из краевого бюджета и иных не запрещенных законодательством Российской Федерации источников. Однако эта статья не содержит никаких уточнений относительно того, какие именно иные источники подразумеваются. Из содержания текста статьи не ясно, идет ли речь о спонсорах или инвесторах, если о них, то ограничен ли их круг (в силу особенностей сферы спорта и физической культуры), какие выгоды и преимущества могут получать такие спонсоры или инвесторы.

Часть 1 ст.13 Закона Алтайского края от 11.09.2008 N 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае» закрепляет положение о том, что создание условий для занятий физической культурой и спортом по месту жительства осуществляется органами местного самоуправления. Однако это положение не получает смыслового развития в тексте закона. В силу чего, фактическая реализация этого положения, как и контроль за ним, видятся проблематичными.

Не всегда выдерживает требование системности, полноты и детальности правового регулирования соответствующих вопросов и Постановление Администрации Алтайского края от 04.03.2011 N 100 «О Стратегии развития физической культуры и спорта в Алтайском крае на период до 2020 года». Так, например, раздел V Стратегии «Создание рациональной системы физкультурно-спортивного воспитания населения» называет основные направления создания новой системы физкультурно-спортивного воспитания населения. Среди них названы: совершенствование системы проведения спортивных и физкультурных мероприятий; совершенствование взаимодействия субъектов физической культуры и спорта. Данные формулировки представляются лишними конкретикой, что затрудняет их наполнение конкретным содержанием. Не ясно, в каком ключе должно происходить совершенствование системы проведения спортивных и физкультурных мероприятий и по каким направлениям совершенствование взаимодействия субъектов физической культуры и спорта требуется осуществить.

По этой же причине формулировки Раздела VII Стратегии, посвящённого вопросам модернизации системы физического воспитания различных категорий и групп населения нельзя признать удачными. В частности, основными направлениями модернизации системы физического воспитания различных категорий и групп населения, в том числе в дошкольных, школьных и профессиональных образовательных учреждениях, называются: модернизация физического воспитания в образовательных учреждениях; совершенствование физического воспитания взрослого населения, в том числе лиц, нуждающихся в социальной поддержке; совершенствование физического воспитания лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов и привлечение их к занятиям спортом; повышение эффективности физической подготовки молодежи допризывного возраста. Исходя из текста Стратегии не ясно, как именно необходимо модернизировать физическое воспитание в образовательных учреждениях, по каким направлениям совершенствовать названные направления, что понимать под эффективностью физической подготовки молодежи допризывного возраста, как и до каких показателей ее повышать. Перечисленные ниже меры также не вносят ясности и конкретики. Так, среди мер указано стимулирование работодателей к созданию условий для физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы, а также пропаганде здорового образа жизни среди работников. Однако конкретных мер стимулирования в Стратегии нет. Совершенно не ясно, как планируется стимулировать работодателей: предоставлять налоговые льготы или льготные условия кредитования, выделять субсидии или какие-то иные меры.

Аналогичные недостатки нами были выявлены и при анализе Разделов VIII и IX.

Конечно же, при детализации норм необходимо помнить и о другом важном правиле – краткости закона, которое предполагает максимально сжатое изложение и отсутствие малоинформативных предложений [Бражник, Касаткина 2014: 11].

Так как речь идет о законодательстве регионального уровня, то представляется важным наличие в нем норм, позволяющих регулировать отношения в ключе региональной специфики. Это требование также нельзя назвать полностью выполненным.

Так, Приказом Минспорта России от 26.12.2019 N 1117 «Об утверждении перечня базовых видов спорта» для Алтайского края предложены: баскетбол, бокс, волейбол, гребля на байдарках и каноэ, дзюдо, легкая атлетика, плавание, спортивная борьба, спортивная гимнастика, тхэквондо, фехтование, футбол, хоккей на траве, горнолыжный спорт, конькобежный спорт, сноуборд. Алтайский край также является территорией проживания населения различных национальностей, в том числе малочисленных. Помимо названных в предыдущем пункте видов спорта фактически распространенными являются: конный спорт, борьба разных видов, стрельба из лука. Однако региональный закон не содержит положений о развитии и поддержке этих направлений.

Алтайский край демонстрирует высокую обеспеченность населения спортивными объектами. Показатели региона выше, чем в среднем по России и в Сибирском федеральном округе [Алтайский край отличился количеством спортивных объектов 2017]. Однако на практике зачастую такие объекты используются не по назначению, находятся в плохом состоянии или по разным причинам (объективного и субъективного характера) доступ к ним затруднен. При этом Закон Алтайского края от 11.09.2008 N 68-ЗС «О физической культуре и спорте в Алтайском крае» содержит упоминание о спортивных объектах лишь дважды. Первый раз – в п.9 ч.2 ст. 4, где к полномочиям Министерства спорта Алтайского края отнесено согласование порядка использования физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений, находящихся в государственной собственности Алтайского края. Во второй раз - в статье 19 названного закона, в которой в общем виде дано понятие и определен статус объектов спорта в Алтайском крае, установлен запрет на снос, реконструкцию объектов спорта, находящихся в государственной собственности Алтайского края, с целью изменения их предназначения без введения в действие на данной территории аналогичных объектов спорта, затронут вопрос о размещении и строительстве таких объектов. Однако ни слова не сказано о порядке их эксплуатации.

Таким образом, проанализированные региональные нормативные акты с позиции правил законодательной техники нельзя признать безупречными. В целях дальнейшего совершенствования законодательства Алтайского края о физической культуре и спорте требуется ликвидация ненужных дублирований федеральных норм, исключение норм, противоречащих федеральному законодательству и расширение положений, направленных на решение вопросов в ключе региональной специфики. Также повысил бы детальность правового регулирования шаг по изменению ряда формулировок, страдающих неопределенностью на те, которые были

бы наполнены конкретикой.

Литература

- Алтайский край отличился количеством спортивных объектов / Алтайская правда. – 2017. – 13 сентября / URL: <https://www.ap22.ru/paper/Altayskiy-kray-otlichilsya-kolichestvom-sportivnyh-ob-ektov.html>
- Баженов А.И. Теоретические аспекты юридической экспертизы нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации / Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 12 (68). – С. 568-570.
- Бразжник С.Д., Касаткина Н.Н. Лингвистические (языковые) правила в законодательной технике / Юридическая наука. – 2014. – №3. – С. 10-12.
- Лозинский И.В. К вопросу о реализации правил законодательной техники в уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономики / Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 292-1. – С. 79-80.
- Мурсалимов К.Р. Следование закономерностям права и соблюдение правил законодательной техники – основа высокого качества нормативных правовых актов / Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 8. – С. 104-107.
- Никиташина Н.А., Никитин А.Н. Состояние нормативных правовых актов Республики Хакасия с точки зрения законодательной техники / Юридическая наука и практика. – 2019. – № 4. – С. 5-13.
- Соловьев О.Г. О нормативном закреплении основных требований и правил законодательной техники / Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (14). – С.43-46.
- Упоров И.В. Дублирование нормативного текста в правовых актах: теоретические основы и юридическое значение / Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 8 (85). – С. 66-71.
- Худойкина Т.В., Переплетчиков С.С. Вопросы законодательного закрепления правил юридической техники / Евразийская адвокатура. – 2015. – № 5 (18). – С. 44-45.

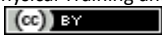
References

- Altai Territory distinguished itself by the number of sports facilities. Altai Truth. 2017, September 13. URL: <https://www.ap22.ru/paper/Altayskiy-kray-otlichilsya-kolichestvom-sportivnyh-ob-ektov.html> (in Russian).
- Vazhenov, A.I. (2008). Theoretical aspects of legal expertise of regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation. Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 12 (68), 568-570 (in Russian).
- Brazhnik, S.D., Kasatkina, N.N. (2014). Linguistic (linguistic) rules in legislative technique. Legal science, 3, 10-12 (in Russian).
- Lozinsky, I.V. (2006). On the issue of the implementation of the rules of legislative technology in criminal legislation protecting public relations in the field of economics. Bulletin of the Tomsk State University, 292-1, 79-80 (in Russian).
- Mursalimov, K.R. (2013). Compliance with the laws of law and compliance with the rules of legislative technology is the basis of high quality regulatory legal acts. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 8, 104-107 (in Russian).
- Nikitashina, N.A., Nikitin A.N. (2019). State of regulatory legal acts of the Republic of Khakassia from the point of view of legislative technology. Legal Science and Practice, 4, 5-13 (in Russian).
- Soloviev, O.G. (2010). On the normative consolidation of the basic requirements and rules of legislative technology. Bulletin of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Series Humanities, 4 (14), 43-46 (in Russian).
- Uporov, I.V. (2020). Duplication of the normative text in legal acts: theoretical foundations and legal significance. Society: politics, economics, law, 8 (85), 66-71 (in Russian).
- Khudoikina, T.V., Perepletchikov, S.S. (2015). Questions of legislative consolidation of the rules of legal technology. Eurasian advocacy, 5 (18), 44-45 (in Russian).

Citation:

- Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В., Шавандина О.А. О соблюдении правил законодательной техники при создании нормативных актов Алтайского края в области физической культуры и спорта. // Юрислингвистика. – 2020. – 18. – С. 8-11.
- Kovalenko, E.Y., Tydykova, N.V., Shavandina, O.A. (2020). On Observance of the Rules of Legislative Technique when Developing Statutory Acts of Altai Krai for Physical Training and Sports. Legal Linguistics, 18, 8-11.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Игра по чужим правилам: сценарий реалити-квеста как объект автороведческой экспертизы

Е.Е. Абрамкина

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Ул. Пирогова, 1, 630090, Новосибирск, Россия. E-mail abramkinaee@list.ru

В настоящей статье на материале конкретной экспертной ситуации рассматривается проведение автороведческой экспертизы сценариев реалити-квестов. Задача, которая была поставлена перед экспертом, связана с определением признаков копирования и переработки одного текста другим. Для решения этой задачи используется жанровый подход: дается описание основных структурных компонентов сценария квеста, особенностей языка текстов этого жанра. Экспертиза проводится в соответствии с принятыми в автороведении этапами и включает раздельное исследование текстов, сравнительное исследование и оценку результатов и формулирование выводов. В результате проведенного исследования устанавливается, что автороведческая экспертиза сценариев реалити-квестов, связанная с решением задачи определения признаков копирования и переработки, по методике проведения и анализируемым признакам сближается с экспертизой товарных знаков, поскольку также направлена на установление сходства или различия структурных и отдельных семантических компонентов.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, переработка одного текста другим, сценарий, реалити-квест.

Game by Someone Else's Rules: a Quest Scenario as an Object of the Authorship Attribution

E.E. Abramkina

Novosibirsk State University
1 Pirogova st., 630090, Novosibirsk, Russia. E-mail: ekov_@mail.ru; abramkinaee@list.ru

The authorship attribution of quest scenarios is discussed as an expert case study. The expert has been assigned a task which involved tracing the signs of copying and revising of one text in another. The genre approach is employed: a description of important structure elements and linguistics characteristics of the quest scenario is given. The expertise is performed as per procedure of authorship examination: separate study of the texts, comparative study and the conclusion. The research has arrived at the conclusion, that the authorship attribution of the quest scenario, focused on the determination of the signs of copying and revising of one text in another, is similar in methods and features to a trademark expertise, because it also involves identifying similarity or difference of structures and semantic elements of the texts.

Key words: authorship attribution, revision of a text, scenario, quest.

Активная геймификация современного общества, развитие игровой индустрии подчас порождает не только оригинальные и нестандартные гейм-проекты, но и нетипичные объекты автороведческой экспертизы. Одним из таких объектов являются сценарии реалити-квестов, о которых пойдет речь в данной статье.

Реалити-квест – это разновидность командных сюжетных игр, когда игроки выполняют ряд заданий, получают подсказки и достигают заранее определенного автором сценария результата. Часто реалити-квесты строятся на материале известных произведений литературы и кинематографа. В условиях возрастающей популярности этого вида развлечений создать реалити-квест, который привлечет уникальным сюжетом, достаточно сложно. Сходство сюжетов и отдельных элементов сценариев разных компаний может вызвать подозрения в плагиате и стать поводом для судебного иска. Случай, который описывается в настоящей работе, связан с иском, вызванным совпадением отдельных элементов и сюжетных ходов в сценариях квестов двух разных организаций.

Перед экспертом были поставлены следующие вопросы:

1. Является ли сценарий «Страшная комната» копией сценария «Проклятый номер»?

2. Является ли сценарий «Страшная комната» переработанной копией сценария «Проклятый номер»?

В качестве объектов исследования были представлены два сценария квестов. Сценарий квеста «Страшная комната» - текст на русском языке и программный код, выполненный черным шрифтом, на 7 листах. Сценарий квеста «Проклятый номер» - текст на русском языке, выполненный черным шрифтом, на 7 листах.

Предварительный осмотр материала показал, что оба сценария основаны на рассказе Стивена Кинга «1408». В связи с этим для сравнительного анализа и определения уникальных черт сценариев также привлекался указанный рассказ.

Специфика жанра сценария реалити-квеста накладывает сильный отпечаток на методы его автороведческого исследования, поэтому первым этапом исследования была характеристика сценария квеста как речевого жанра.

Сценарий квеста с точки зрения структуры представляет собой план прохождения квеста, включающий такие элементы, как 1) идея игры, 2) задания или загадки и их последовательность, 3) описание эффектов, которые возникают при выполнении того или иного задания, 4) набор подсказок для игроков, а также 5) описание задействованных предметов и действий, в которых они фигурируют. Помимо этого сценарий квеста может включать 6) программный код.

Идея тесно связана с темой и проблемой квеста, с целью, которая стоит перед игроками.

Задания или загадки – это действия, которые должны выполнить игроки, чтобы успешно завершить игру. Задания могут быть исследовательскими, направленными на поиск необходимой игроку информации, соревновательными, учитывающими быстроту выполнения задания, и ребусами.

Эффекты – те события, которые сопровождают выполнение задания. Помимо описания самого эффекта также описываются предметы и/или персонажи, с помощью которых данный эффект достигается.

Для успешного выполнения заданий необходим набор *подсказок* или *инструкций*. Они содержат краткие тексты, указывающие игрокам дальнейшие действия. Кроме того, в сценарии описываются также предметы, которые задействованы в подсказках, и место расположения этих подсказок или инструкций. Последовательность заданий и эффектов составляет *сюжетную линию* квеста.

Помимо текстовой части, в сценарий может входить программный код, если в квесте задействованы программные средства. В рамках автороведческой экспертизы анализу подлежит только текстовая составляющая, анализ программного кода лежит за пределами компетенции лингвиста, поскольку требует специальных познаний в области программирования.

Исследование по каждому вопросу проводилось по традиционной для автороведения схеме: раздельный анализ каждого объекта, затем сопоставление результатов раздельного анализа, оценка результатов и вывод [Рубцова и др. 2007].

Для определения степени сходства указанных сценариев каждый из них, прежде всего, анализировался с точки зрения структуры и содержания.

Исследование вопроса о полном совпадении текстов

Раздельный анализ сценариев квестов

Анализ сценария квеста «Проклятый номер»

Сценарий квеста «Проклятый номер» состоит из титульного листа, текста сценария, разбитого на части, и приложения.

Текст сценария состоит из следующих частей.

1. Легенда содержит предысторию событий квеста и информацию о целях игроков.

2. Основное содержание описывает место действия, начальные события, загадки, эффекты и возможные варианты финала.

Эту часть можно разбить на три смысловых блока:

- первый смысловой блок описывает обстановку места действия;

- второй смысловой блок описывает вводные события квеста и условия предоставления подсказок;

- третий смысловой блок занимает большую часть сценария и содержит последовательность загадок и эффектов.

3. Приложения к тексту сценария содержат три отдельных текста подсказок.

4. Четвертый тематический блок предлагает два варианта финала, один из которых оценивается как положительный, а другой – как отрицательный. Варианты зависят от действий, которые свершат игроки (из набора двух возможных).

Текст сценария подробный, каждая загадка и каждый эффект описаны детально, с указанием реквизита и актеров.

Анализ сценария квеста «Страшная комната»

Структура сценария имеет следующий вид.

Раздел 1. Легенда

Раздел 2. Сюжетная линия и загадки

Раздел 3. Программный код.

1. Легенда представляет собой рассказ от первого лица, описывающий начальную ситуацию.

2. Раздел «Сюжетная линия и загадки» представляет собой нумерованный список эффектов и загадок, разделенный на две части подзаголовками, указывающими на место действия.

Часть 1 состоит из 9 пунктов, которые описывают вначале визуальные и звуковые эффекты, затем, без заголовка, первую и вторую загадки.

Часть 2 состоит из 12 пронумерованных пунктов. Первые 4 пункта представляют собой описание интерьера и расположения важных для игроков предметов. Пятым пунктом идет описание задачи. Следующие пункты описывают задачи игроков и содержат подсказки. Выполнение каждой задачи сопровождается определенным эффектом, который подробно не описывается. Финал квеста не связан с содержанием и не определяется логикой выполнения задач.

Загадки и эффекты даются без специальных помет и разделяются в тексте сценария только по смыслу. Относительно четко в сценарии квеста обозначены восемь загадок. Сам сценарий схематичен, загадки и эффекты подробно не описаны. Описание эффектов несколько раз ограничивается фразой «начинает происходить чертовщина» и кратким перечислением звуковых и световых эффектов. Финал вариантов не имеет.

Раздел 3 содержит программный код, анализ которого не входит в компетенцию лингвиста.

Сравнительный анализ сценариев квестов «Страшная комната» и «Проклятый номер»

Для установления того, является ли сценарий квеста «Страшная комната» копией сценария квеста «Проклятый номер», необходимо, прежде всего, определить понятие копии.

Согласно толковому словарю Д.С. Ушакова, копия – это «1. Точный список с какого-нибудь текста. 2. Точное воспроизведение чего-нибудь» [Ушаков 2014: 244]. Толковый словарь под редакцией Евгеньевой дает схожее толкование: «Точно соответствующее подлиннику воспроизведение чего-либо» [Словарь русского языка, Т. 2. 1986: 100].

Таким образом, копией признается произведение, полностью повторяющее исходное.

Сценарии текстов имеют разную структуру. В сценарии «Проклятый номер» есть основной текст и приложения. Сценарий «Страшная комната» включает содержание, основной текст и программный код. Также отличаются объемы основного текста сценария

(4 и 1 страница соответственно). В текстах практически нет дословных совпадений, за исключением названия раздела «Легенда» и наименования отдельных элементов реквизита. Наличие частей, имеющих сходное название («Легенда»), обусловлено жанром и не может считаться основанием для признания текстов одинаковыми.

Сходными являются отдельные указанные в сценариях реквизиты (книга, чайник, брюки) и две загадки, однако о копировании сценария говорить нельзя.

Тематическое сходство и совпадение места действия обусловлено общим для обоих текстов источником, которым является рассказ С. Кинга «1408».

Таким образом, существенные различия на структурном и содержательном уровне позволяют заключить, что текст сценария «Страшная комната» не является копией текста сценария «Проклятый номер».

Исследование вопроса о частичной переработке текста

Для разрешения данного вопроса необходимо, прежде всего, определить понятие переработки.

Данное понятие широко употребляется в разных сферах, в том числе, в законодательной, но исчерпывающего определения в законе не представлено.

Так, в законе об авторском праве переработка приравнивается к производному произведению, к которому законодатель относит такие виды, как переводы, обработки, аннотации, рефераты, резюме, обзоры, инсценировки, аранжировки и т.п. (ст. 7 ФЗ «Об авторском праве и смежных правах» № 110-ФЗ). Переработка должна содержать охраняемую законом часть оригинального произведения в исходном или незначительно обработанном виде. Закон об авторском праве охраняет преимущественно форму произведения, а также название, персонажей, сам текст и его части. Не охраняются законом идеи, методы, процессы, концепции, системы, способы, принципы, открытия, факты (п. 4 ст. 5 ФЗ об авторском праве).

ГОСТ Р 7.0.3-2006 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные элементы. Термины и определения» определяет переработку следующим образом:

«3.1.2.12 **переработка**: Производное произведение, являющееся результатом переделки оригинального произведения в другой жанр или приспособления его к другой читательской аудитории, в результате чего меняется композиция и форма выражения первоначального произведения» [ГОСТ Р 7.0.3-2006 от 01.01.2007].

Таким образом, в ГОСТе для производного произведения, полученного в результате переработки, характерны следующие черты:

- изменение жанра произведения;
- изменение композиции;
- изменение формы выражения произведения.

С лингвистической точки зрения к переработке относится либо сокращение произведения различными способами (план, аннотация, тезисы, конспект, реферат), при этом самостоятельным произведением из всего перечисленного может считаться только реферат, либо глубокая обработка исходного произведения, в результате чего возникает новое произведение, тем не менее, сохраняющее уникальные черты исходного. Различают несколько видов такой переработки:

- адаптация;
- интерпретация (ремейк);
- продолжение (сиквел);
- повествование о предыдущих событиях (приквел);
- художественный перевод;
- пародия и карикатура.

Таким образом, переработка может быть разной глубины, но в любом случае, она должна сохранять уникальные элементы оригинального произведения.

Для установления того, является ли текст сценария «Страшная комната» переработанной копией текста сценария «Проклятый номер», необходимо сопоставить элементы каждого текста для выявления степени их сходства, а также сопоставить каждый текст с рассказом С. Кинга «1408», чтобы выявить уникальные элементы сценария «Проклятый номер».

Поскольку одинаковых или сходных фрагментов текста предварительный анализ сценариев не выявил, проанализируем структуру и смысловые компоненты.

Результаты сравнения следующие:

- Сходство структуры обусловлено жанровыми особенностями. Первый текст имеет выраженное смысловое деление основной части на разделы. Деление ключевой части во втором тексте носит формальный характер и определяется местом действия.

- В первом тексте загадки отделяются от основного текста подзаголовком «Загадка». Во втором тексте разделение на загадки, эффекты и действия игроков графически не оформлено.

- В сценарии «Проклятый номер» эффекты описаны более подробно.

- В первом тексте разные типы загадок присутствуют в сравнимых количествах. Для второго текста характерны простые исследовательские задачи.

- В легенде совпадает только номер комнаты, что обусловлено общим первоисточником (рассказ С. Кинга). Какая-либо информация о названии отеля во втором тексте отсутствует. В первом тексте описаны предпосылки появления игроков в номере, во втором момент начала повествования связан с присутствием игроков в отеле.

- Сюжеты различаются как в целом, так и в деталях. В первом сценарии для выхода из комнаты необходимо изгнать призрака, во втором – собрать все награды отеля. Кроме того, первый сценарий предполагает два варианта финала. Сходны только места действия – номер 1408 с таинственным прошлым в отеле (это обусловлено общей основой). Также для обоих сценариев характерно создание таинственной, зловещей атмосферы, однако это общая черта хоррор-квестов.

- Сценарии предполагают разный актерский состав, совпадающим актерам отводится разная роль.

- Совпадают места действия и часть реквизитов.

- Совпадает часть загадок.

Таким образом, сходство касается в основном структуры сценария, места действия, интерьера, реквизита, также есть совпадения в загадках.

Структура является жанровым признаком и не несет различительного значения для автороведческого исследования.

Совпадение места действия, части интерьера, некоторых предметов обусловлено тем, что оба текста основаны на рассказе Стивена Кинга «1408», в котором и описывается фигурирующий в обоих сценариях номер и отель.

Для определения уникальных элементов сценария «Проклятый номер» был проведен его сравнительный анализ с рассказом С. Кинга «1408». Сопоставление проводилось лишь с теми элементами, которые совпадают в обоих сценариях.

Анализ показал, что из всех совпадающих элементов в качестве уникальных для первого сценария могут рассматриваться такие предметы, как брюки, чайник и комната в шкафу. При этом в первом сценарии эти элементы являются сюжетно мотивированными. Во втором сценарии эти элементы никак не характеризуются, их попадание в номер сюжетно не мотивировано. Совпадающие в обоих сценариях загадки также мотивированы сюжетом только в сценарии квеста «Проклятый номер», во втором сценарии они не связаны с сюжетом и нарушают логику действия.

Таким образом, в сценарии «Страшная комната» есть элементы, заимствованные из сценария «Проклятый номер». Однако нельзя утверждать, что единственным источником сценария «Страшная комната» является сценарий «Проклятый номер». Сопоставление сценария «Страшная комната» с рассказом С. Кинга «1408» показало, что в сценарии присутствуют элементы, заимствованные из рассказа и при этом отсутствующие в сценарии «Проклятый номер».

На основании проведенного анализа можно заключить, что сценарий «Страшная комната», вероятно, имеет двойную основу: некоторые его элементы заимствованы из рассказа С. Кинга «1408», в то время как другие (часть реквизита и две загадки) заимствованы из сценария «Проклятый номер». Однако количество и характер заимствованных элементов, отсутствие прямых текстовых совпадений, фрагментарный характер текстов исследуемого жанра не позволяет говорить о том, что сценарий квеста «Страшная комната» является переработанной копией сценария квеста «Проклятый номер», можно говорить лишь о наличии отдельных заимствований.

Результаты исследования

Проведенный анализ такого нехарактерного для автороведческой экспертизы объекта, как сценарий реалити-квеста, обнаруживает следующие особенности исследования таких текстов.

1. Сам жанр сценария квеста ближе к технической документации, чем к художественному тексту, поэтому говорить об авторстве сценариев квестов было бы некорректно. Поэтому задачи, которые могут решаться для текстов этого жанра, ограничиваются анализом степени сходства текстов.
2. Использование в качестве сюжетной и тематической основы произведений литературы или кинематографа делает необходимым сопоставление сценария квеста с текстом-основой для выявления уникальных элементов.
3. Тематическая несамостоятельность, фрагментарный, во многом технический характер текстов сценариев, а также отсутствие дословных совпадений сводит автороведческий анализ не к исследованию текста на языковых уровнях, а к сопоставлению структуры и уникальных элементов сюжета.
4. Проведенное исследование не является традиционным автороведческим и близко по решаемым задачам и подходу к определению тождества товарных знаков, поскольку также строится на определении сходства структурных и отдельных семантических элементов текстов.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2013.

ГОСТ Р 7.0.3-2006 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные элементы. Термины и определения». URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200045958>

Кинг С. 1408. Всё предельно. М., Минск, 2007.

Словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М., 1986. Т II.

Федеральный закон от 31.05.01 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

References

Baranov, A.N. (2013). Linguistic examination of the text: theory and practice. Moscow (in Russian).

GOST R 7.0.3-2006 "System of standards for information, librarianship and publishing. Editions. Essential elements. Terms and Definitions"(in Russian). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200045958>

King, S. (2007). 1408. Everything is ultimate. Moscow, Minsk (in Russian).

Dictionary of the Russian language: In 4 volumes (1986). / Ed. A.P. Evgenieva. 3rd ed. stereotype. Moscow, T II (in Russian).

Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 "On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation" (in Russian).

Citation:

Абрамкина Е.Е. Игра по чужим правилам: сценарий реалити-квеста как объект автороведческой экспертизы. // Юрлингвистика. – 2020. – 18. – С. 12-15.

Abramkina, E.E. (2020). Game by Someone Else's Rules: a Quest Scenario as an Object of the Authorship Attribution. Legal Linguistics, 18, 12-15.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СУДЕБНОГО АВТОРОВЕДЕНИЯ

И.Н. Мурса

*Алтайская лаборатория судебной экспертизы Минюста РФ
пр. Ленина, 151 Г, 656011, Барнаул, Россия. E-mail: 10spore@mail.ru*

Статья посвящена использованию возможностей речевого портретирования при производстве судебной автороведческой экспертизы. Иллюстративным примером служат речевые портреты носителей русского просторечия разного возраста и пола, проживающих в одном языковом коллективе – селе Камышенка Алтайского края. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при речевой идентификации в рамках судебного речеведения, поскольку описанные лексико-грамматические особенности речи каждого респондента образуют уникальные комбинации, позволяющие провести процедуру идентификации. Также устанавливается характер нарративных стратегий в структуре речевого портрета, являющихся не менее, а иногда даже более информативной чертой речевого портрета языковой личности, чем лексико-грамматические особенности его речи.

Ключевые слова: речевой портрет, просторечие, нарративные стратегии, судебное автороведение.

Speech Portrait of Personality as a Tool of Forensic Authorship Attribution

I.N. Mursa

*Altai Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation
151 G Lenin St., 656011, Barnaul, Russia. E-mail: 10spore@mail.ru*

The article discusses application of speech portrait potential in forensic authorship attribution. An illustrative example is the speech portraits of Russian vernacular native speakers of different ages and genders living in the same language community - the village of Kamysheinka, Altai Krai. The results of the study can be used for speech identification within the framework forensic authorship attribution, since the described lexical and grammatical features of the speech of each respondent form unique combinations that allow for the identification procedure. The nature of the narrative strategies in the structure of the speech portrait is also established, which are no less, if sometimes even a more informative feature of the speech portrait of a linguistic persona than the lexical and grammatical features of the speech.

Key words: speech portrait, vernacular, narrative strategies, forensic authorship attribution.

Антропоцентрическая ориентация современной лингвистики определила ее пристальное внимание к языковой личности, в частности к описанию речевых портретов. Появление термина речевой портрет связывают с именем выдающегося отечественного ученого Михаила Викторовича Панова, выдвинувшего в середине 60-х годов XX века идею фонетического портрета [Панов 1990]. Позднее эта идея в расширенной трактовке вошла в круг научных интересов многих исследователей [Винокур 1989; Ерофеева 1990; Земская 1990; Китайгородская, Розанова 1995; Николаева 1991].

По мнению Т.П. Тарасенко, речевой портрет формируется как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко 2007: 20]. Автор отмечает, что в речевом портрете находят отражение возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные, лингвистические аспекты личности. Г.Г. Матвеева определяет речевой портрет как «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева 1993: 87]. Одним из свойств речевого портрета исследовательница выделяет фиксирование вербального поведения, доведение его до автоматизма в случае повторения определенных речевых ситуаций. Таким образом, перечисленные авторы определяют понятие речевого портрета как совокупность речевых навыков, тем самым декларируя, что «речевой портрет личности» – понятие более узкое, чем «языковая личность». Основное внимание в речевом портрете отдельной личности уделяется характерным и наиболее ярким особенностям речи человека. Поэтому чаще в качестве референта избирается личность творческая, элитарная, избирающая нестандартные языковые реализации. Так, объектом исследований В.Я. Парсамовой [Парсамова 2004] стал М.Ю. Лотман, а Р.Ф. Пауфошима [Пауфошима 1989] – А.А. Реформатский. Помимо этого понятие речевого портрета позволяет выявить характерные особенности речи той или иной социальной группы. В работе С.В. Мамаевой [Мамаева 2007] уделяется внимание исследованию речевого портрета коллективной языковой личности современного подростка с целью создания структуры языковой личности и постройки модели ее эволюции. При этом коллективная языковая личность выступает как «своего рода общая формула для постановки индивидуальных случаев, за каждым из которых стоит индивидуальная языковая личность» [Богин 1984: 312]. Это обстоятельство дает возможность судить о речевых характеристиках людей определенного круга, объединенных общностью социального положения, возраста, сферой профессиональных интересов.

В выборе методов создания речевых портретов исследователи достаточно единодушны. Предметом их внимания становится преимущественно лексикон человека или социальной группы (понимаемый широко и включающий используемую фразеологию, устойчивые выражения и ситуативные клише). Так, М.Н. Гордеева, предлагая следующую схему описания речевого портрета, обращает внимание на особенности языковых единиц разных уровней, особенности речевого поведения (этикетные формулы, речевые клише, прецедентные феномены, языковая игра), лингвокультурологические особенности (отражение культуры в языке), рефлексию персонажей и метаязыковые пометы [Гордеева 2008]. А.С. Гафарова при определении речевого портрета тоже делает акцент на лексико-грамматической специфике речи: «речевой портрет представляет собой совокупность лексических, грамматических, фонетических особенностей речевого поведения персонажа, создающих его косвенную социолектическую и идиолектическую характеристику» [Гафарова 2006: 19]. Интересны работы Т.М. Николаевой, использующей метод социолингвистического портретирования путем «фиксации ярких диагностирующих пятен» [Николаева 1991: 75], то есть социально маркированных языковых средств и особенностей речевого поведения.

Особое место в структуре речевого портрета как характеристики манеры речи занимают речевые стратегии и тактики, являющиеся яркой отличительной характеристикой человека говорящего, вершиной его речевых навыков. В силу различных обстоятельств и условий формирования личности, каждый человек приобретает индивидуальный коммуникативный опыт, выражающийся в неповторимом наборе речевых навыков, и использует этот набор в своей повседневной речевой практике. Помимо этого, в каждой конкретной речевой ситуации определенная личность ведет себя отлично от другой. И как следствие, это позволяет идентифицировать автора того или иного высказывания (шире – текста): «Дискурсивные особенности текста, его логические структуры, их правильность и ущербность, сложность и бедность и т. д. отображают особенности соответствующих навыков автора» [Вул 2007: 15]. Актуальность задачи наблюдения за речью представителей различных социальных слоев и описания речевых портретов носителей русского просторечия признается всеми исследователями. По мнению К.Ф. Седова, «повседневная речь является пространством для самораскрытия языковой личности» [Седов 1996: 3]. Л.А. Капаназде отмечает, что в последнее время особый исследовательский интерес представляет «ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка», то есть речь носителей просторечия [Капаназде 1984: 5]. Речевые портреты носителей городского просторечия получили отражение в работах разных авторов. Работы Е.В. Соломиной посвящены идиолексиону и стилевой дифференциации речи носителей современного просторечия. Как отмечает исследовательница, «языковая личность и речевой портрет носителей просторечия-2 на сегодняшний день почти не описаны» [Соломина 2013: 37]. С помощью аудиозаписей речи информанта Л.Л. 1959 г.р. Е.В. Соломина характеризует индивидуальный лексикон носителя просторечия-2. В.Д. Черняк создает речевой портрет городского просторечия-1 на примере отдельной личности (И.Н. Целиковой) и отмечает в речи информанта своеобразное соединение влияний диалектной среды и обиходного словаря горожан. Ключевым моментом в создании речевого портрета И.Н. Целиковой автор считает ее лексикон, так как именно он репрезентирует ассоциативно-вербальный и тезаурусный уровни языковой личности [Черняк 2003]. По мнению исследовательницы, изучение конкретных речевых портретов как «способа проникновения в национальную картину мира, пути к постижению национального характера» [Черняк 2003: 497] нуждается в продолжении.

В настоящем исследовании осуществляется сопоставительное описание носителей русского просторечия разного возраста и пола, проживающих в одном языковом коллективе – селе Камышенка Алтайского края. В ходе сравнительного анализа особенностей речи информантов было отмечено следующее.

В речи информанта № 1 (женщина 95-летнего возраста, уроженка и жительница села, не имеющая образования, пенсионерка) на каждом языковом уровне отмечены черты южно-русского диалекта. В области фонетики – сильное яканье, характеризующееся тем, что в 1-ом предупредительном слоге на месте гласных неверхнего подъема всегда выступает звук [а] (*/упал и л'ажыт'//*); γ – фрикативный (*/эта мат'та увар'ит'//*); сочетание согласных [хт] (*/кто уармошк' / кто б'лалайк'//*). К характерным особенностям морфологического уровня языка информанта можно отнести наличие [т'] в окончаниях глаголов 3-го л. ед. и мн. ч. (*/а ан' у ж идут' дамой//*); разрушение среднего рода (*/сав'ишан'йа там была// плат'й'у сам'и шыл'и//*) и др. В сфере синтаксиса – группа подлежащего следует за группой сказуемого: (*/да ты мн'э н'и нужн'// да ты мн'э н'и нужн'//*); частотное употребление указательных частиц *вот, это* в функции хезитации: [*патом тут я вот стала й'езд'ит' у б'иск' / св'икров'йа дала эта паст'ел'у//вот и хад'ил у школу// а в'ит'а вот// ну вот и хад'ил'у// а пр'итс'идат'ел' эта калхозный увар'ит'*]. К лексическим особенностям речи можно отнести активное использование диалектизмов и жаргона (*навернуть – ударить*).

Фонетико-грамматические черты речевого портрета информанта № 2 (мужчина 48 лет, родившийся и выросший в селе, имеющий среднее образование, по роду деятельности – рабочий в крестьянском хозяйстве) в целом повторяют предыдущий портрет. Кроме того, наблюдается общая небрежность и быстрый темп речи, вследствие чего отмечается редукция гласных (*чо, памойму*); чрезмерное упрощение групп согласных, неполное произношение звуков, слогов (*скока, щас, када, седня, тыщи, можа*). Для более экспрессивного выражения своих мыслей и чувств информант использует следующие средства: особые звукоподражательные приемы (*бумбум музык' / ч'ик выкинул / ч'ухч'ухч'ух*); частотное употребление слов-паразитов *вот, вота, ну*. В сфере лексических особенностей обнаружено использование разговорных слов (*поглядывать, поумней*), канцеляризмов (*начал трудовую деятельность*), нецензурных слов при нехватке словарного запаса для описания темы, которой говорящий слабо владеет: (*не нужна такая оруанизация стала / упростили / уэтовали / всякая х*ня м*ня*), жаргона (*дыбнуть – умереть, мялево – драка*). В области синтаксиса отмечено следующее: сложноподчиненные предложения отсутствуют; множество неполных предложений с отсутствующим подлежащим; отсутствие пауз хезитации; отсутствие прямой или косвенной речи; речь «рваная», глагольная; логические или смысловые связи между предикативными конструкциями вербально не выражены.

При анализе речи информанта № 3 (мужчина 20 лет, родившийся и проживающий в селе, имеющий среднее образование, недавно прошедший срочную службу в армии, по роду деятельности – безработный) встречаются лишь единичные случаи аканья, фрикативного γ (*уд'эн'ит'*), для образования возвратных глаголов используется полногласный постфикс –ся, как в речи диалектоносителя (*получалось, значитсь*). Эти малочисленные факты не позволяют нам классифицировать данного информанта как диалектоносителя, а вслед за этим и носителем просторечия-1. Вместо этого можно выделить особенности речи, в целом повторяющие портрет информанта № 2. Также в области лексики отмечено использование обценной лексики в качестве заменителей пауз и междометий (десемантизация), в качестве собственно ругательства употребляются пейоративы. Синтаксические особенности следующие: использование нецензурной лексики в функции хезитаций; рема тяготеет к началу предложения; бессоюзная связь в сложноподчиненном предложении, подчинительные отношения не выражены; присутствуют специфические разговорные конструкции, а именно эллиптические конструкции (различные неполные предложения – без подлежащего, состоящие из одного предиката, и т.д.).

Таким образом, у всех трех информантов на фонетическом и морфологическом уровне прослеживаются диалектные черты южно-русского говора. Причем существует зависимость количества диалектных особенностей в речи от возраста респондента: чем старше информант, тем этих черт в его речи больше. В отношении молодого информанта стоит сказать, что в его речи нашли отражение наиболее сильные черты южного говора: аканье и «у» фрикативный.

При анализе лексического уровня обнаруживается влияние жаргонной страты русского языка. Помимо непосредственного использования жаргонных слов встречаются нарушения различных литературных норм: орфоэпических, норм сочетаемости и т.д. В речи информантов среднего и молодого возраста наблюдается речевая недостаточность. Главное влияние на лексикон оказывает род занятий и социальная сфера, в которой осуществляется коммуникативная деятельность.

В речевом портрете информанта старшего возраста отсутствуют синтаксические черты современной устной разговорной речи. У информанта молодого возраста просторечные особенности синтаксиса представлены наиболее ярко. Полагаем, что это наблюдение иллюстрирует принципиальное отличие просторечия-1 и просторечия-2. Просторечие-1 находится под сильным влиянием диалектов, проявляющих себя преимущественно в фонетике. Просторечие-2 наиболее яркие черты имеет в грамматической структуре предложения. В целом анализ показывает, что у всех трех информантов на низших уровнях языка наблюдаются черты просторечия-1, а на высших (лексическом и синтаксическом) черты просторечия-2.

Безусловно, речевые особенности, выделенные на фонетическом и лексико-грамматическом уровнях, образуют уникальные комбинации, по которым можно произвести процедуру идентификации. Тем не менее, эти признаки можно дополнить не менее существенными отличиями в речевом поведении, осуществив анализ избираемых стратегий повествования информантов.

Лингвистическое понимание нарративных стратегий встречаем в работе психолингвиста К.Ф. Седова «Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции», где в рамках дискурсивной деятельности (речевого поведения в трактовке нашего исследования) выделяется «две глобальные коммуникативные стратегии речевого поведения: репрезентативная, или изобразительная, и нарративная, или аналитическая» [Седов 2004: 35]. Репрезентативная стратегия построения дискурса нацелена на изображение неязыковых ситуаций в дискурсе. Характеризуется наименьшей степенью авторизации текста, отсутствием аналитизма и оценки. Нарративная стратегия – языковое отражение действительности с более высоким уровнем абстрагированности. Используется установка не на изображении ситуации языковыми средствами, а на передаче перекодированной информации об увиденном. Важными при описании речевого портрета носителей просторечия являются и два подтипа каждой из стратегий: репрезентативно-информационный и репрезентативно-символический, с одной стороны, и объектно-аналитический и субъектно-аналитический – с другой.

Исследуемый материал является тематически однородным: все информанты ведут повествование о своей жизни, фактах своей биографии и используют преимущественно нарративную стратегию – описание и повествование (развитие события). При исследовании нарративных стратегий обращалось внимание на то, вокруг какой истории развивается повествование, последовательное оно или прерывистое, как выражается связь между компонентами, есть ли отступления от основной линии, каков их характер (эмоциональные, логические нарушения, попытка вести несколько повествовательных линий).

Информант № 1 использует объектно-аналитическую нарративную стратегию, предполагающую «информирование о реальных фактах таким образом, что точка зрения автора (слушателя) находится вне хронотопа рассказа, в будущем по отношению к времени повествования времени. Здесь имеет место не только передача некоторой информации, но и рефлексия по поводу изображаемой действительности, которая подается слушателю через призму таксономической обработки. Однако в этом способе построения текста не присутствует субъективная оценка от автора (говорящего)» [Седов 2004: 36]. Объектно-аналитическая нарративная стратегия повествования строится вокруг фигуры рассказчика, его биографии: детство, юность, семья, работа. Композиционное строение повествования обусловлено хронологией событий. Преимущественно описываются события и речь персонажей, сопровождающая событие. Рассказ не содержит отклонений от основной линии повествования. Речь эмоционально нейтральная. Собственные переживания, рефлексия по поводу события отсутствуют:

ну вот так мы вот и выжыл'и/жыл'и// а тут я харанила и деда и матиця свикровь я харанила// чугун был тада пасуда// а йэти чашки/ как прадавали диривянныи брали// патом тут вот я стала ездить у Бииск//там начала выбирать/ там бальшыи тарелки// тарелак набрала/ ложык не была//у вайну же тада ничо не был//ни ложык/ ни соли/ никауо//

Однако автор использует элементы репрезентативно-символической стратегии, так как часто иллюстрирует определенные эпизоды своей жизни пересказом диалогов тех персонажей, о которых ведется речь в повествовании:

атец был п'янушка /он пил// и вот мама с им ни пашла// а пашль с нами// он там дралси/ и лупил// она уаварить/ я ни пайду// я пайду к хведи//

В речи информанта № 2 прослеживается объектно-аналитическая нарративная стратегия: повествование безэмоционально, не содержит оценки, хронологично. Рассказ наполнен глаголами действия, линейен и конкретен. Отсутствует описание предметов, свойств, повествование строится вокруг фигуры рассказчика, содержит перечисление видов его деятельности. Однако в речи наблюдается попытка вести две повествовательные линии, поскольку рассказчик более подробно останавливается на одном из видов своей деятельности, включает в повествование описательный нарратив:

нада напоить/ нада корму дать/ насыпать/ а летом че/ выунал на бууор/ тока поулядывай за ними/ и вовремя подоугнать к дайки/ фсе по времени/ эта коров/ лошади они поумней короф/ акэхофская лошадь/ усе объяснил/ и поперла н*уй/ патом у децкий сад пашол//

Субъектно-аналитическая нарративная стратегия и репрезентативная стратегия в речи информанта № 2 не отражаются.

Информант № 3 является яркой иллюстрацией применения субъектно-аналитической нарративной стратегии, представляющей «не столько сами события, сколько субъективно-авторский комментарий к ним. Такой принцип построения речевого произведения обычно приводит к образованию в одном дискурсе двойной структуры – текст в тексте, (или текст о тексте). Это наиболее «прагматизированная» форма моделирования действительности, отражающая в своем строении особенности авторского субъективного начала и максимально учитывающая потенциал перцепции, то есть фактор адресованности речи» [Седов 2004: 37]. Рассказы изобилуют комментариями, по большей части ассоциативного и психологического характера. Доминанта рассказа – описательная, с акцентом на чувствах и переживаниях героев. Отступления от основной событийно-хронологической сюжетной линии значительные: хронологическая основа повествования подменяется ассоциативной. Это обуславливает прерывистость повествования, порой затрудняющую понимание изложения. Выражается преимущественно негативная оценка событий, для чего используется фигура иронии. Объекты, предметы, свойства предметов описанию не подвергаются:

вот/ потом/ как кони носимся/ если скажут типа оот/ п*уйте до столовой и обратно там допустим бегите / мы конечно в кустах уденить спрячемся / в лесу/ вот мы щастливы побегать в шесть утра е*ть н*уй/ с вот такими вот глазами / кто после наряда только снимался бл*ь/ кто [чо] /н*уй бы эта зарядка нужна/ нам бы поспать// потом правда вот так вот раз приляжет

на пенёчек и спать// жизнь удалась// короче/ подбегаем//

Сделанные наблюдения показывают, что выбор нарративных стратегий не зависит от типа речевой культуры говорящего, поскольку информанты относятся к одному и тому же типу речевой культуры. Выбор типа повествования обусловлен психоэмоциональными и когнитивными факторами. Таким образом, характер нарратива является не менее, а иногда даже более информативной чертой речевого портрета языковой личности, чем лексико-грамматические особенности его речи. Полагаем, что это может быть использовано при речевой идентификации личности в рамках судебного автороведения. Для этого в перспективе необходимо составление алгоритма анализа дискурсивного поведения информанта, который облегчит работу исследователя по установлению уникальных черт исследуемой языковой личности.

Литература

- Богин Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. д. филол. наук. М., 1982.
- Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Вопросы философии. - 2000 - № 3. - С. 29-32.
- Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека / Человек в системе наук. М., 1989.
- Вул С.М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: Методическое пособие. Харьков, 2007.
- Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 2006.
- Гордеева М.Н. Речевой портрет и способы его описания / Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. №6 М., 2008. С. 89-101.
- Ерофеева Т.И. «Речевой портрет» говорящего / Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 90-103.
- Земская Е.А. Речевой портрет ребенка (к вопросу о системности некодифицированных сфер устной речи) / Язык: система и подсистемы: к 70-летию М. В. Панова М., 1990. С. 241-260.
- Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык / Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984. С. 5-12.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
- Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Мамаева С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5-7-х классов : автореф. дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2007.
- Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: автореф. дис. д-ра филол. наук. СПб., 1993.
- Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. М., 1991. С. 73-75.
- Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 1990.
- Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана): автореф. дис. канд. филол. наук. Саратов, 2004.
- Пауфощима Р.Ф. О произносительной манере А. А. Реформатского / Язык и личность. М., 1989.
- Сапогов В.А. Все нарисованное было в девятисотые годы» / О Игоре Северянце. Череповец, 1987. С. 31-33.
- Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) / Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов 1996. Вып.26. С. 8-14.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.
- Соломина Е.В. Об особенностях идиолексикона носителя городского просторечия / Вестник Томского государственного университета. - 2013. - № 374. - С. 37-41.
- Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
- Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа / Новый филологический вестник. - 2011. - № 3. - С. 9.
- Черняк В.Д. Речевой портрет носителя просторечия / Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 497-513.

References

- Bogin, G.I. (1982) The concept of linguistic personality. Moscow (in Russian).
- Brockmeyer I., Harre, R. (2000) Narrative: problems and promises of one alternative paradigm. Problems of Philosophy, 3, 29-32 (in Russian).
- Chernyak, V.D. (2003) Speech portrait of the native speaker. Modern Russian. Social and functional differentiation. Moscow, 497-513 (in Russian).
- Erofeeva, T. I. (1990) "Speech portrait" of the speaker. Linguistic appearance of the Ural city. Sverdlovsk, 90-103 (in Russian).
- Gafarova, A.S. (2006) Speech portrait: sociolinguistic characteristics. Tver (in Russian).
- Gordeeva, M.N. (2008) Speech portrait and ways of describing it. Lingvo-stylistic and linguodidactic problems of communication, 6, 89-101. Moscow (in Russian).
- Kapanadze, L.A. (1984) Modern urban vernacular and literary language. Urban vernacular. Learning problems, 5-12. Moscow (in Russian).
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1995) Russian speech portrait. Phono-restomacy. Moscow (in Russian).
- Krysin, L.P. (1989) Sociolinguistic aspects of studying the modern Russian language. Moscow (in Russian).
- Мамаева, С.В. (2007) Speech portrait of the collective linguistic personality of schoolchildren in grades 5-7. Kemerovo (in Russian).
- Matveeva, G.G. (1993) Latent grammatical meanings and identification of a social person ("portrait") of the speaker. St. Petersburg (in Russian).
- Nikolaeva, T.M. (1991) "Sociolinguistic portrait" and methods of its description. Russian language and modernity. Problems and prospects for the development of Russian studies. Reports of the All-Union Scientific Conference, 2, 73-75. Moscow (in Russian).

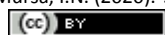
- Panov, M.V. (1990) History of Russian literary pronunciation of the 18th-20th centuries. Moscow (in Russian).
- Parsamova, V.Ya. (2004) Linguistic personality of a scientist in epistolary texts (based on letters from Yu.M. Lotman). Saratov (in Russian).
- Paufoshima, R.F. (1989) On the pronunciation manner of A.A. Reformatsky. Language and personality. Moscow (in Russian).
- Sapogov, V.A. (1987) Everything that was painted was in the nine hundredth years". About Igor Severyanin, 31-33. Cherepovets (in Russian).
- Sedov K.F. (1996) Types of linguistic personalities and strategies of speech behavior (on the rhetoric of everyday conflict). Questions of stylistics. Language and man, 8-14. Saratov (in Russian).
- Sedov, K.F. (2004) Discourse and personality: the evolution of communicative competence. Moscow (in Russian).
- Solomina, E.V. (2013) On the features of the idiolexicon of the bearer of urban vernacular. Bulletin of the Tomsk State University, 374, 37-41 (in Russian).
- Tarasenko, T.P. (2007) Linguistic personality of a high school student in the aspect of its speech realizations (based on the data of an associative experiment and sociolect of schoolchildren in Krasnodar. Krasnodar (in Russian).
- Тыупа, V.I. (2011) Narrative strategy of the novel. New philological bulletin, 3, 9 (in Russian).
- Vinokur, T.G. (1989) Speech portrait of a modern person. Man in the system of sciences. Moscow, 504 (in Russian).
- Wool, S.M. (2007) Forensic authorship identification expertise: methodological foundations: Methodological manual. Kharkiv (in Russian).
- Zemskaya, E.A. (1990) Speech portrait of a child (On the question of the systematicity of uncoded spheres of oral speech), 241-260. Moscow (in Russian).

Citation:

Мурса И.Н. Речевой портрет личности как инструмент судебного автороведения. // Юрислингвистика. – 2020. – 18. – С. 16-20.

Mursa, I.N. (2020). Speech Portrait of Personality as a Tool of Forensic Authorship Attribution. Legal Linguistics, 18, 16-20.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтогенности

Г.С. Иваненко

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
пр. Ленина, 69, 454080, Челябинск, Россия. E-mail: gala.april@mail.ru*

Социальные сети – относительно новый вид коммуникации, имеющий свою специфику. В статье поднимается проблема коммуникации в социальной сети в аспекте ее конфликтогенности. Анализ современной судебной практики показал, что количество разбирательств, в которых общение в социальной сети сыграло существенную роль, увеличивается. Рассмотрены факторы сетевого взаимодействия, влияющие на возникновение и развитие конфликта. К факторам конфликтогенности коммуникации в социальной сети отнесены следующие: 1) недифференцированность признаков публичность/интимность, ставшая результатом гибридизации языковых моделей и средств публичной и частной коммуникации; 2) отсутствие невербальных средств коммуникации, которое отчасти, но недостаточно компенсируется специфической идеографической знаковой системой интернет-общения; 3) круглосуточная доступность сети и, в связи с этим, растянутость коммуникации во времени, порождающая временную нелимитированность коммуникации как провокацию снижения самоконтроля и несовпадения временных возможностей коммуникантов; 4) ослабление традиционных этических запретов для заочного общения как результат попытки использовать различные, в том числе отличающиеся от свойственных очной коммуникации, образы и отражающие их культурные коды; 5) стилистическая сниженность речевой культуры коммуникации, реализованная в двух типах: использование стилистически сниженной лексики для имитации разговорной дискурсивной практики и употребление просторечного, жаргонного, табуированного пласта языковых средств с целью осуществления речевой агрессии, нанесения речевого удара. Осознание причин речевого конфликта в социальной сети, нередко приводящего к нарушению правовой нормы и к судебному разбирательству, минимизирует возможность его возникновения и позволяет извлечь из предоставленного техническим прогрессом нового способа коммуникации максимальную пользу.

Ключевые слова: конфликт, социальная сеть, факторы конфликтогенности.

Communication in Social Networks: Factors of Potential Conflicts

G.S. Ivanenko

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University
69 Lenin Ave., 454080, Chelyabinsk, Russia. E-mail: gala.april@mail.ru*

Social networks are a relatively new type of communication that has its own specificity. The article raises the problem of communication in the social network in terms of potential conflicts. The analysis of modern judicial practice has shown that the number of proceedings in which communication in the social network has played a significant role is increasing. The factors of network interaction that influence the emergence and development of conflict are considered. The factors of conflict communication in social networks include the following: 1) lack of differentiation between the features publicity/ privacy, resulting from the hybridization of language models and means of public and private communication; 2) lack of non-verbal means of communication, which is partly, but not fully enough, compensated through specific ideographic sign system of the Internet communication; 3) round-the-clock network availability and, in this regard, extended communication time, which generates unlimited communication, provoking decrease of self-control and diversity in time; 4) the weakening of traditional ethical prohibitions for communication at distance as a result of an attempt to use various images and cultural codes that reflect them in face-to-face communication, including those that differ from those inherent to face-to-face communication; 5) stylistic degradation of the speech culture of communication, manifested in two types: the use of lower-range vocabulary to imitate colloquial discursive practice and the use of colloquial, slang, taboo language units for the purpose of speech aggression, verbal insult. Awareness of the causes of speech conflicts in social networks, often leading to the violation of legal rules and to legal proceedings, minimizes the risk of its occurrence and makes it possible to get the maximum benefit from the new communication means provided by the technological progress.

Key words: conflict, social network, conflict factors.

Феномен социальных сетей в современной культуре [Шипицын 2011] настолько значим, что начал стремительно и многоаспектно изучаться различными научными дисциплинами: социологией, философией, психологией. Заметное место это явление занимает и в речевой культуре, в связи с чем входит в сферу интереса лингвистики.

Социальные сети – явление для речевой практики новое, если измерять его привычными для языка мерками, согласно которым и 100 лет – не срок. Конечно, надо учитывать и ускорение всех процессов в наше время, в том числе в сфере функционирования языка. Слово «язык» в этом контексте следует, пожалуй, употреблять с осторожностью. Скорее всего, в значительном количестве обсуждаемых лингвистами явлений предметом рассмотрения является речь, речевая практика, речевые модели. Они становятся

актуальными или деактуализируются, не изменяя языковой структуры, базовых норм, грамматики. Хотя, конечно, речевая практика не только отражает уже имеющуюся языковую структуру, но и порождает новые нормы [Иваненко 2018].

Вхождение в нашу жизнь социальных сетей существенно изменило структуру и содержание коммуникативной практики [Гуль 2016]. В свете функционального подхода к грамотности в широком смысле этого слова [Адаева 2015], целью обучения в курсе русского языка является прежде всего владение навыком коммуникации в устной и письменной форме. Динамические процессы в языке и в речевой практике неизбежны, попытки остановить их обречены на провал [Иваненко 2019 (а)]. Следуя известному принципу, применим его к нашей ситуации: «Не можешь противостоять изменениям – возглавь их». Сказано не без преувеличения – конечно, возглавить сами изменения лингвисты не могут, но могут активно их изучать и прогнозировать те направления коммуникативной культуры, вектор движения которых уже определен. Формирование коммуникативной компетенции [Глухих, Миронова 2019] учителя и ученика не может сегодня состояться без внимания к новым средствам общения, порождающим новые же формы, модели, речевые жанры. Школа, образовательный процесс должны реагировать на появление и актуализацию современных средств коммуникации и снабжать ученика инструментарием для их использования. А потому формированию культуры общения в социальной сети у детей нужно уделить особое внимание.

Анализ коммуникативных конфликтов, ставших предметом судебного разбирательства, показал, что все чаще столкновение интересов происходит именно в социальных сетях. Очевидно, что это всего лишь инструмент реализации потребности во взаимодействии людей, которые и при других формах установления контакта выражают свою личность со всеми ее особенностями. И все же участие в качестве эксперта в ряде процессов, одним из доказательных средств в которых явились протоколы коммуникации в социальных сетях, показало ее особую значимость. Социальная сеть проявляет себя не только как техническое средство – она становится увеличительным стеклом, провокатором, непроницаемой повязкой на глазах. Она одушевляется и олицетворяется, превращаясь в реального участника событий. В тех ситуациях, которые подверглись анализу, социальная сеть была отрицательным персонажем. Возможно, такая её роль обусловлена заданным ракурсом взгляда.

Следует отметить, что общение в сети представлено множеством моделей. Анализу подвергались конфликтные тексты коммуникации на преимущественно открытых площадках, либо же коммуникации собранных в группу людей, не взаимодействующих регулярно вне сети. Например, таковы родительские чаты, в которых родители одноклассников обсуждают дела детей и нередко доходят до острого противостояния.

Перечислим выявленные факторы конфликтогенности коммуникации в социальных сетях.

1. Недифференцированность признаков публичность/интимность.

Существовавшая в предыдущую, «досетевую» эпоху коммуникативная культура была достаточно отчетливо представлена двумя дискурсами: частного и публичного общения. Дифференциация поддерживалась на всех уровнях: лексическом, грамматическом, стилистическом. Отличался отбор лексики: официально-деловой и публицистический дискурс достаточно жестко диктовали использование своего лексикона, не принимающего вкраплений из разговорно-обиходной речи. Заявление писалось по образцу, отчет по плану. Выступление на собрании могло, конечно, не быть восторженным, но даже в том случае, когда оно содержало критику, формы ее выражения не допускали принципиальных нарушений публичной этики. Сами модели коммуникации в публичной сфере предполагали череду ограничений. Например, обращение к оппоненту на «Вы» было нормой, как и отсутствие бранных и стилистически сниженных лексем.

В дискурсивной же практике бытового общения царил вполне естественный произвол, отражающий уровень культуры коммуникантов и традиции среды. Социальные среды всех времен и народов разнообразны и исторически изменчивы, но в любом случае предполагают некую большую свободу форм самовыражения, чем в публичном пространстве.

С приходом феномена «социальная сеть» начался процесс гибридизации языковых моделей и средств публичной и частной коммуникации. Например, статья в сети, выдержанная в классической манере интеллектуального аналитического письма, выставленная на всеобщее обсуждение, собирает комментарии, авторы которых относятся к другой социальной среде, имеют иные политические взгляды и иной культурный код. В реальной жизни эти люди могли бы никогда не встретиться, поскольку они находятся в разных общественных нишах. Сеть свела их и обнажила несходство их коммуникативной и речевой практики. И такое пересечение становится катализатором конфликта. Люди говорят на разных языках, причем каждый воспринимает манеру общения оппонента как оскорбление.

Как известно теории и практике риторики, не только качества коммуникантов (пол, возраст, социальный статус, уровень образованности) определяют характер и средства коммуникации, но и другие объективные факторы [Введенская, Павлова 2015]. Так, место и время общения, количество участников взаимодействия традиционно признаются компонентами коммуникативной ситуации, влияющими на стилистику поведения и отбор речевых моделей. Преподаватель на занятии с группой из пяти магистрантов в пятницу вечером или из 30 студентов-первокурсников в понедельник утром после каникул будет вести себя по-разному. Например, маленькая группа позволит вести занятие сидя, поскольку цели будут достигнуты без дополнительных организационных усилий. Не потребуются применение риторических приемов актуализации внимания, возможен более быстрый темп речи, более сложные конструкции, как и более сложные темы обсуждения. При личном контакте коммуниканты избирают те средства, которые соответствуют ситуации.

При общении же в сети описанные факторы коммуникантам не известны. Человек, пишущий пост, не знает, кто его читает, в какое время суток, в какой атмосфере, и, соответственно, реализует себя без ориентации на потребителя его речевого продукта, что является, на наш взгляд, первым и главным конфликтогенным фактором дистанционной коммуникации. В значительном количестве ситуаций участники общения в сети находятся в гибридном дискурсе, плавающем относительно категорий публичность/непубличность. Одни затевают серьезный разговор, другие низводят коммуникацию до фарса. Безусловно, существуют сложившиеся группы по интересам, дискурсивная практика в которых установилась и функционирует вполне успешно. Но особенность сетевого общения состоит именно в том, что в целом оно достаточно открыто, и во многих нишах именно смешение интимности и публичности становится причиной неуспешности коммуникации.

2. Отсутствие невербальных средств коммуникации.

Устное контактное общение предполагает неразрывную связь вербальных и невербальных средств [Биркенбил 2014; Горелов 2015]. Многие люди даже общение по телефону не принимают как полноценное, поскольку не могут наблюдать живой реакции собеседника. А как же эпистолярная культура? Да, культура письма предполагала дистанционную коммуникацию, но и она выработала свои модели и приемы взаимодействия [Глухих 2008]. Искусству письма обучались, и лучшие образцы этого жанра демонстрируют многочисленные и тонкие средства актуализации внимания далекого собеседника и сохранения эффекта живого присутствия и естественного разговора. Письма, рассчитанные на понимание и глубокое взаимодействие, как правило, не были короткими, они

содержали описание тех обстоятельств, которые были важны адресанту в момент написания письма и которые помогали адресату эмоционально приблизиться к собеседнику.

К сожалению, современные посты и реплики в сети далеки от лучших образцов эпистолярного жанра мировой культуры. Сам дух нашего эргономичного времени не предполагает той медитативности и психологической детализации, которые придавали общению на расстоянии эффект живой близости. Следует, однако, отметить наличие и постоянное развитие специфических средств, сопровождающих коммуникацию в сети и отчасти компенсирующих нехватку невербальной составляющей. Это эмодзи (или эмоджи) — язык идеограмм и смайликов, используемый в электронных сообщениях и веб-страницах. Но и этот компенсатор недостаточен. Во-первых, он слишком груб по сравнению с живым языком реальной мимики, пластики, интонирования. Во-вторых, он используется осознанно, отражая результат фиксации эмоции автором сообщения, в то время как реальные невербальные реакции безотчетны и естественны.

Нередко конфликт в сети усиливается по той причине, что один из участников общения читает написанные слова, не видя собеседника и потому не понимая причин чрезмерной краткости ответа, граничащей с грубостью. А причины могут быть самыми различными: бытовыми, физиологическими. При контактном общении адресат увидел бы состояние собеседника, телефонный разговор тоже дал бы возможность пусть не визуально, но интонационно обозначить эмотивный фон: смягчить, придать шутливую тональность, которая остается с автором и не передается при общении в сети.

3. Растянность коммуникации во времени, круглосуточная доступность сети.

Для решения деловых вопросов, наверное, хорошо, что в любое время суток почти из любой точки земного шара сегодня возможно сообщить необходимую информацию. Хотя даже в отсутствие конфликта круглосуточная доступность коммуникантов дезорганизует их, лишает необходимости решать все рабочие вопросы в течение рабочего дня. Но в аспекте конфликтности названный фактор играет негативную роль, имеющую несколько проявлений.

Во-первых, режим работы, сна и бодрствования у каждого свой. К тому же коммуниканты могут находиться на разных концах планеты, в разных часовых поясах. Казалось бы, возможность высказаться в удобное время — прекрасное решение для заочного общения. Однако такой корректный выжидательный режим характерен для общения по электронной почте. Социальная сеть требует активности. Как это происходит? Коммуникант/коммуниканты нередко требуют ответа, вызывают к аудитории, обвиняют в молчании, побуждая человека, который не настроен на общение, все же включиться в него.

Во-вторых, независимо от часового пояса и режима, каждый человек должен иметь личное время изоляции от социума. Психологам еще предстоит изучить психозы нового времени, обусловленные постоянным напряжением, нахождением в зоне доступности. Специалисты, занимающиеся риторикой, еще до эпохи сетевой коммуникации высказали мысль о лимите потребности в общении, свойственном каждому из нас [Стернин 2009: 19]. Этот индивидуальный показатель у разных людей не совпадает, и навязываемое общение в сети может раздражать и утомлять человека. Закономерно предположение, что сетевое общение не может быть насильным. Но, по-видимому, формируется новый тип зависимости — зависимость от сетевой коммуникации. Жажда понимания, признания, желание быть включенным в систему, страх что-то пропустить, предоставить лидерство оппоненту — все эти мотивы заставляют человека, преимущественно юного, несмотря на дискомфорт, продолжать участие в коммуникации.

В рассмотренной конфликтной ситуации при общении в группе один коммуникант постоянно призывает к ответу другого, который, судя по кратким репликам, уже исчерпал свой лимит общения, но упреки и обвинения вызвали опасения, что не его слово останется последним, и заставляли поддерживать непрерывающуюся агрессивную беседу. В реальной жизни ситуация уже как-нибудь разрешилась бы, а сеть позволяет сутками, в любом месте (в транспорте, магазине, на улице) поддерживать коммуникацию.

В-третьих, круглосуточная доступность коммуникации обесценивает ее и делает спонтанной. Коммуниканты не оставляют себе времени на раздумье, как это было бы в ситуации переодического личного общения, при телефонной коммуникации, в эпистолярной (в бумажном или электронном варианте). Один конкретный акт коммуникации может быть и спонтанным, и конфликтным, но он имеет конец. Общение в сети может быть растянуто. Так, предметом рассмотрения автора однажды стал полугодовой марафон сетевой коммуникации, превратившийся в непрерывающийся конфликт.

Приведенные минусы круглосуточной доступности в сети не означают призыва искоренять бороться с новыми формами общения. Нам следует учиться разумно относиться к нему, зная заложенные в его природе опасности, избегать их.

4. Ослабление традиционных этических запретов для заочного общения.

Заочное общение, прежде всего общение незнакомых в реальной жизни людей, позволяет создавать любые образы. У людей появляется возможность сыграть в себя «другого». То, что первое «я» подвергло бы осуждению, «альтер эго» с интересом испытывает. Порождением этих экспериментов являются новые культурные коды — коды другой социальной ниши. Хорошая девочка в сети примеряет на себя образ опытной женщины. Мальчик-скрипач начинает вести себя как уличный бандит. Психологам предстоит разобраться в этом психологическом феномене, определять его причины и следствия и включать в контекст психологического становления личности. По-видимому, важно, какие именно запреты снимаются и в какой мере и степени. В лингвистическом аспекте можно только констатировать в качестве результата такого снятия этических запретов появление конфликтов и развитие их, вплоть до выхода за рамки закона.

Человеку, защищенному экраном монитора или гаджета, кажется, что он бросил реплику в воздух. Однако очень часто обвинения в экстремистских высказываниях выдвигаются против молодых людей, которые в сети в монологическом порыве на политическую тему или в горячей дискуссии оторвались от реальности и нарушили этический и правовой запрет: выразили националистическую идеологию или комплиментарно отозвались о террористических мерах. Хотелось бы верить, что в действительности эти люди не думают так. Но закон, как и история, не знает сослагательного наклонения. И в значительной мере иллюзия одиночества в сети спровоцировала молодого человека примерять на себя чужую маску: он ощущал себя без свидетелей перед зеркалом. Но коварство Сети состоит в том, что она размывает границу между интимным пространством и публичностью, которая в действительности нарушается не в момент отклика на высказывание, а в момент отправки сообщения.

У современных школьников следует формировать ответственность за отправленные ими в сеть слова. Сравним сетевую и досетевую эры в аспекте отношения к этическим запретам. Предположим, что человеческая природа в общих чертах тождественна во времени. Но при персональном контакте внешние факторы играли сдерживающую роль, в ситуации публичности — открытая сиюминутная общественная реакция. В сетевую эпоху жажда адреналина в совокупности с осознанием несиюминутности возмездия снимает этический запрет. Результатом становятся дела не только в рамках антиэкстремистского законодательства [Иваненко 2013 (б)],

но и другие: распространение порочащих сведений, оскорбление [Иваненко 2013 (а)], склонение к совершению самоубийства [Иваненко 2019 (б)], нарушение авторских прав.

5. Стилистическая сниженность речевой культуры коммуникации.

Настоящий пункт является следствием предыдущего. Снижение речевой культуры – одно из проявлений снятия этических запретов. Можно выделить два типа стилистически сниженной речевой манеры коммуникации в сети.

Первый тип – ведение письменной речи по законам устной, притом в рамках разговорной дискурсивной практики. Проще говоря, в этом случае участник общения в сети переносит в поле беседы то, что он сказал бы в устной форме, притом в неофициальной обстановке. Весь арсенал ненормативной лексики: просторечия, бранные слова, включая табуированную лексику, жаргонизмы, сленг, обценную лексику – все используется без ограничений. Коммуникант как бы «общается со своими», он неоправданно полагает всех участников общения в сети носителями того же лексикона и моделей речевого поведения. Результатом ошибки становятся конфликты, порожденные коммуникативной перверсией.

Второй тип – демонстративное, а не естественное использование ненормативной лексики. Жонглирование словами, которые с высокой вероятностью могут шокировать, неприятно удивить, возможно, подавить или испугать оппонента в сети. Стилистически сниженная лексика используется как инструмент доминирования: я вот так могу, а что ты мне скажешь?

То есть в первом случае стилистическая сниженность речи – результат низкого уровня речевой, а во втором – поведенческой культуры. Но в любом случае конфликтность общения в таком режиме повышается. Оппонируя тезису о естественности нелитературного лексикона в ряде дискурсов («мы матом не ругаемся, мы на нем разговариваем»), констатируем по результатам анализа конфликтных диалогов и полилогов: именно бранное слово в значительном количестве случаев направляет коммуникацию в сторону конфликтного общения. Примечательно, что бранная, обценная лексика, нацеленная на принижение адресата, – лишь часть нелитературного пласта, однако конфликтогенными являются не только оскорбительные высказывания, призванные установить доминирование над оппонентом, но и нелитературные комментарии явлений, событий, которые, казалось бы, не посягают на честь и достоинство участников группы. Сфера конфликтогенности значительно шире сферы правовых запретов. Все-таки нормативная речь воспринимается преобладающей частью коммуникантов как правильная знаковая система для коммуникации, а жаргон, сленг – как неправильная. Суждение действительно только для открытых или социально немаркированных групп. Коммуникация узких групп не изучалась.

В заключение расскажем одну конкретную историю коммуникации в сети, имеющую нерадостный финал. Два молодых человека выясняли в сети свои взаимоотношения, в основе которых лежал затекстовый конфликт – соперничество в отношениях с девушкой. В реальной жизни коммуниканты довольно длительное время не могли контактировать. Существенно, что реальный конфликт хотя и был, но к моменту очной встречи был исчерпан. Естественный конфликт в ходе общения в сети перерос в искусственный, словесный. Изучение взаимодействия коммуникантов показало, как все перечисленные факторы конфликтогенности столкнули оппонентов в уже реальном, физическом конфликте, закончившемся для одного инвалидностью, для другого судимостью.

ВЫВОД. Средства социальной сети способны не только отразить объективно существующий конфликт, вербализовать его, но и гиперболизировать противостояние. Выявлены следующие факторы конфликтогенности коммуникации в социальных сетях: недифференцированность признаков публичность/интимность, отсутствие невербальных средств коммуникации, растянутость коммуникации во времени, круглосуточная доступность сети, ослабление традиционных этических запретов для заочного общения, стилистическая сниженность речевой культуры коммуникации.

Наличие обстоятельств, увеличивающих возможность создания и развития конфликта в сетевом общении, совершенно не означает, что новый формат взаимодействия плох и от него следует отказаться. Все новое в истории цивилизации всегда проходило путь адаптации, вживания в социум. Именно такой этап проходит сейчас сетевой способ общения, порождающий конфликты, попадающие под правовые запреты и перерастающие в правовое противостояние. Поэтому и нужно осознать причины конфликтности и выработать меры ее минимализации.

Литература

- Адаева О.Б., Иваненко Г.С. От целеполагания к условиям реализации: о концепции курса русского языка в школе / Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10. – С. 14-20.
- Биркенбил В. Язык интонации, мимики, жестов. СПб., 2014.
- Введенская Л.А., Павлова А.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов-на-Дону, 2015.
- Глухих Н.В. Диалогичность как типологический признак эпистолярного делового текста конца XVIII - начала XIX века / Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 19. – С. 362-374.
- Глухих Н.В., Миронова А.А. Приемы формирования коммуникативной компетенции будущего учителя в деловом общении. / Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 91-101.
- Гуль А.Ю. Роль социальных сетей в современных коммуникативных практиках / Культурологические чтения – 2016 / Материалы международных научно-практических конференций. Екатеринбург, 2016. – С.52-56. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43311/1/kulch_2016_10.pdf
- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 2015.
- Иваненко Г.С. Формирование представления о динамических процессах в языке и языкознании как средство становления гуманитарного мышления / Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6 (79). – С. 472-475.
- Иваненко Г.С. Лексикография и судебная лингвистическая экспертиза: перспективы взаимодействия. / Юрислингвистика. – 2018. – №7/8 (18/19). С. – 98-118. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2018\)7-810](https://doi.org/10.14258/leglin(2018)7-810)
- Иваненко Г.С. Еще раз о «неприличной форме выражения» / Юрислингвистика. – 2013. – №2 (13). – С. 92-96.
- Иваненко Г.С. Анализ формы речевого воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4-2 (22). – С. 82-87.
- Иваненко Г.С. Склонение к совершению самоубийства / доведение до самоубийства: лингвистическая трактовка дифференциации содержания ст. 110 и ст. 110.1. УК РФ. Юрислингвистика. – 2019. – № 14 (25). – С. 14-18. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2019\)1403](https://doi.org/10.14258/leglin(2019)1403)
- Кнапп М.Л. Невербальные коммуникации. М., 2013.

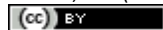
Стернин И.А. Деловое общение / Учебное пособие для старшеклассников и студентов. – Воронеж, 2009.
Шипицын А.И. Феномен социальных сетей в современной культуре / Известия ВГПУ. – 2011. – № 3(57). – С. 36-40.

References

- Adaeva, O.B., Ivanenko, G.S. (2015). From goal-setting to implementation conditions: on the concept of the Russian language course at school. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 10, 14-20 (in Russian).
- Birkenbil, V. (2014). Language of intonation, facial expressions, gestures. St. Petersburg (in Russian).
- Vvedenskaya, L.A., Pavlova, A.G. (2015). Culture and art of speech. Contemporary rhetoric. Rostov-on-Don (in Russian).
- Glukhikh, N.V. (2008). Dialogue as a typological feature of an epistolary business text of the late 18th - early 19th centuries. *Problems of history, philology, culture*, 19, 362-374 (in Russian).
- Glukhikh, N.V., Mironova, A.A. (2019). Techniques for the formation of the future teacher's communicative competence in business communication. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 4, 91-101 (in Russian).
- Gul, A.Yu. (2016). The role of social networks in modern communication practices. *Cultural readings – 2016. Materials of international scientific and practical conferences*. Yekaterinburg, 52-56. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43311/1/kulch_2016_10.pdf (in Russian).
- Gorelov, I.N. (2015). Non-verbal communication components. Moscow (in Russian).
- Ivanenko, G.S. (2019). Formation of an idea of dynamic processes in language and linguistics as a means of the formation of humanitarian thinking. *The world of science, culture, education*, 6 (79), 472-475 (in Russian).
- Ivanenko, G.S. (2018). Lexicography and forensic linguistic examination: prospects for interaction. *Legal linguistics*, 7/8 (18/19), 98-118. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2018\)7-810](https://doi.org/10.14258/leglin(2018)7-810) (in Russian).
- Ivanenko, G.S. (2013). Once again about the "indecent form of expression". *Legal linguistics*, 2 (13), 92-96 (in Russian).
- Ivanenko, G.S. (2013). Analysis of the form of speech influence on the addressee as an aspect of judicial research of an extremist text. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 4-2 (22), 82-87 (in Russian).
- Ivanenko, G.S. (2019). Inclination to commit suicide / drive to suicide: a linguistic interpretation of the differentiation of the content of Art. 110 and Article 110.1. Of the Criminal Code of the Russian Federation. *Legal linguistics*, 14 (25), 14-18. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2019\)1403](https://doi.org/10.14258/leglin(2019)1403) (in Russian).
- Knapp, M.L. (2013). Non-verbal communication. Moscow (in Russian).
- Sternin, I.A. (2009). Business communication. Textbook for high school students. Voronezh (in Russian).
- Shipitsin, A.I. (2011). The phenomenon of social networks in modern culture. *Izvestiya VGPU*, 3 (57), 36-40 (in Russian).

Citation:

Иваненко Г.С. Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтогенности. // Юрислингвистика. – 2020. – 18. – С. 21-25.
Ivanenko, G.S. (2020). Communication in Social Networks: Factors of Potential Conflicts. *Legal Linguistics*, 18, 21-25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 21.12.2020 г.

Дата публикации издания 28.12.2020 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2020